Мирослав Немиров

164

или где-то около того

Table of Contents

Титул

Выходные данные

Предисловие от Гузели Немировой

От автора

1980е

Весна, машина любви

И вот в тебя затрубил как будто примерно джаз

И только-то, ох же ты, — грязь

От бессонницы в горле нагар

Сегодня день — ослепительно трезвый

В этот день перемирия что ли

Помпезный месяц май — жара и лень

Хуярит поезд, сука, так его еби

Ты просыпаешься — снег. Нынче утром

Ты просыпаешься, ты умываешься, ты чистишь зубы

Утро жарит как рок энд ролл

Есть курево, есть чай, есть место, где ты один

Дадынь, дадынь, дадынь, дадынь

Зима в тот год началась необычайно рано

Мы сидели на кухне с Крыловым и пили чай

Насколько в кайф это, дарлинг, что

Четыре стены и дверь, которую можно закрыть

Нужны несчастья, чтобы чувствовать, что ты — живой

Вечер-то тёплый, но — с ледяной Луной

Мне в этом городе очень уж, братцы, скучно

В небе вечер, в душе темно, ветер — даёт пизды…

Помпезный месяц май, жара и лень

Сначала весна, весна, весна

Троллейбус мне мил зимой — передвижное тепло

Душа, как известно, — дурман, и туман, и попытка диверсии

Февраль

Это февраль ещё только время самое

Необитаемые расстояния зимы как тьма меж звёздами

Хочу я поцеловыванным быть

Никелированный гремит мороз. Зимы

Какой у тебя, дорогая, красивый лифчик!

Тесная, как рыбья шкура, как чулок

Ты, в эротического содержанья позе

Улица подобна конусу подобна лестнице

об Андрее Сахарове

Какой печальный праздник Первомай!

Мне не хочется спать, не хочется пить

О ты, тяжелому подобная похмелью!

Сексуального хочу я сильно наслажденья

Один тибетский чувачина

Когда совсем уж я от жизни охуею

Ах, какой сегодня день такой задумчивый!

Задушевнейшие дни настали!

В самом, стало быть, конце восьмидесятых

«Я пришла к поэту в гости» — да, всё так

1990е

Люблю сношаться я порою!

На улицах январь лютует!

Хорошо в состояньи похмельном

Наступило всё же лето!

Любовной, блять, лирики, блять, сочинять

На хуй мне она всралась

При царизме было Кайф

О ты прекрасная! (ужасная!), похожая на Сандру

Гляжу, гляжу — вот это, братцы, да!

Я скажу, друзья, вам прямо

Я лето полюбил

Пузырёчки, пузырёчки

В порядке инди виду уа лиз ммма

Как он в неё, гадину, — тырц! тырц!

Зашибает Илья Резник

Летом жарко, летом нудно

Ночью — в Москве — хорошо!

Москва — смирению учит

На улицах грусть-печаль

Неизвестные селенья проезжая

Ах, как хочется быть богатым!

Ах я бедный, ах я несчастный

Душа — ничего не желает

Четырёх блять не менее ящиков

Настоебало мне всё

Ох друзья как хреново с похмелья мене

Хрен и знает друзья что сказать

Поеду-ка я повампирю!

Приятно всё же о блондинках попиздеть!

Пала Москва, пала ебучая блудница пала!

Меж тем на улицах, оказыватца, выйдешь — ох как зашибись!

Небо в Москве по ночам

Позорной болезнью, ребята

По Арбату биксы лазят

От кого пахнет чем

Гля, бля, как снег повалил!

И, ежели едешь в метро вверх

Мороз имеет форму — шарообразную

Двурогая луна

... И вот вот так они сидят

Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!

Сиреневый, серебряный, жемчужный, весь переливающийся

Джаз, сия музыка небрежная, нарядная

Вот и лето, блять, вжик!

На улице зима

Блять, нахуяриться я на халяву сильно водяры хочу.

Я б, умей на гитаре играть

На улице сизо

Ракетоподобный образ жизни вынужден я вести

Я люблю тебя за жопу и за ум

письмо в журнал «Итоги»

Начальнику отдела поэзии журнала “Знамя”

Идите вы на хуй, ёбаные козлы, идите вы на хуй!

День сегодня чрезвычайно замечательный

В состоянии тусклой одури

Слишком устали, слишком устали, все мы слишком устали!

Лишь только вроде жизнь собралась

Когда вокруг сплошная катастрофа

ещё о финансовом кризисе

День укорачивается и укорачивается

Сомнений нет, что именно Марине Влади

Имея ампутированными улицы по самую аж дверь

Есть и это на свете, и то, а и есть ведь на свете

Девчонки, девчонки, девчонки в босоножках!

2000е

Зимой — темно, а летом — светло

К слову полиграфия

Красотейшинг

Сегодня понедельник

В Москву и обратно

Масоном быть нехорошо

Запах новых станций метро

В доме лето, в доме август, в доме ох и красота и благодать

Телефон у меня не звонит, не звонит

О эти дамы без трусов!

Жизнь прошла, промчалась безвозвратно

Луиза, ты являешься говно

Где твоя жопа, Твигги?

Харэ, природа!

Блять, жалею! Блять, зову! Балят, конечно, плачу!

Что-то январь какой-то сумбурный

Эх ты Курицын, Курицын, Курицын!

Тоска, в пизду, тоска!

На эту Бэссинджер

О эти дурочки!

Короче — ну, и что? Да то: уныло как-то, валко, шатко…

… Но жизнь такая штука

Мороз зараза пылает

Да ты, я погляжу

Стихи писать на самом-то деле легко

А вот возьмем, к примеру, например, шестидесятые

Злой прибалт, ты, зверь в обличьи человечьем

Грозно спускаясь грозными ногами

Ах так, сука-блять?

Эх, опять приуныл!

В период с октября по май

И хандра, и тоска, и (о!) страх

Утонули глазки в сале

Как поезд в тоннель, как змея в нору

Ёбаное шоссе

Как тут — хоп! — валторна задудит

Вот и всё. Устали эндорфины

Вот бы щазз хуйнуть з гранатомёта!

В венчике из чёрных роз

Чё-то я охуел

Блять, злюсь. Блять, злюсь. Блять, злюсь. Блять, злюсь.

... Стрелки осциллографов мерцают

Ебланы, блять! И уебаны, блять!

А вы, являетесь которы шлоебенью

Мир обмануть меня хотел

Да вы ж блять — гниды! (яйца вшей!)

Весна! Оттаивает гамно

Не хочу я дружить с мудаками!

Скажи, мудрец, — вертел ли ты

Злюсь ли я?

Да хоть блять вызывайте ментов!

Имел бы если б я бы бронепоезда

Да, много лет в себе гордыню я вскормлял

Буду, буду, буду пиздеть!

Мешки, лошки, свинина

Жизнь неправильно организована

Послесловие

Технические данные

Обложка сзади

Мирослав Немиров

164

(или где-то около того)
стихотворений

в хронологическом порядке,
от марта 1981 по ноябрь 2009

без комментариев

Немиров · Москва · 2011

Немиров М. М.
164 или где-то около того: стихи. — Москва: немиров, 2011. — 212 с.

ISBN 978-5-9903123-1-9

© Немиров М. М., 201
© Оформление: немиров, 2011

Предисловие от Гузели Немировой

Эта книга распространяется бесплатно.

Если у вас есть желание и возможность — помогите подготовить к изданию другие книги Немирова, пожертвуйте любую сумму.

В первую очередь — «Тюмень и Тюменьщики» и «Всё о Поэзии». Затем «Ростов-Москва-Остальная Вселенная», «Водка и другие крепкие напитки», «Четыре вертящихся».

Карта Сбербанка — 639002389017679044
Яндекс-деньги — 4100183033402
Pay-Pal — paypal.me/mnemirov

С уважением, Гузель Немирова.

f — gouselle
vk — gouselle

От автора

Почему? Потому.

1980e

***

Весна, машина любви.
Дурацкая, сверкающая, срочная, — точно пожарная.
И вот, она, весна, лавиною валит, —
Лавиною ударною.

Весна, которая, — цвета фольги.
Которая цвета, иначе сказать, точно, ртути.
Весна, она, — Ура! Гип-гип!
Апрель. Утро!

И как тут начнёт всем тобой колотить,
Как будто ты есть пулемёт;
И как тут начнёт ох как бить-долбить,
И сиять, и пылать, и вот;

И как тут начнутся такие дела —
Сплошная зеркальная грязь,
Сплошная, ох как ни верти, а мгла,
Сплошное еблысь-хуясь;

Примерно 17 марта 1981

***

И вот в тебя затрубил как будто примерно джаз:
Вой, визг, блеск, лязг, гром, грохот, слепящие солнце и медь;
Потому что растаяло! — вот чего тут происходит сейчас;
Потому что растаяло, вот чего, эть твою меть.

Уже! И, являясь как точно пацан на каникулах,
Наконец-то объявленных, через то весь являясь тепер
Центор этого грома и грохота, центор этого лико-
Вания, значит, скрежещущего: всё! вот и всё. Дотерпел!

Дотерпел. До такого теперь, что единственно заумью
Изложить, потому что оно — ох, ого! Потому что оно — ох, эге!
Потому что ведь таять же начало, потому что растаяло!
Дыр бул щыр это чистый голимый! Хейгоп! Хопхейгоп! Оуйе!

Дотерпел. До такого, что даже уже можно шапку
Сунуть в сумку, и, как точно волною несомым, лететь
Как на гребне волны, ощущая: это именно всё — вот сейчас вот,
Не когда-либо в будущем, щазз; и оно — не кому-то, а именно вот тебе.

Просто так, ни с того ни с сего, — прям вот так вот и скажем: да:
счастье.

1981. 03

***

И только-то, ох же ты, — грязь,
Грязь да лужи, однако же, это —
Весна! И парят
Прохожие в небе безветренном.

И растаивающий снег
Порождает такие туманы,
Что является город как спящим и снящимся точно во сне
Типа сам себе. Но и людям, нам. Мне!
Он является спрятанным точно на дне океана.
Впрочем, фигля там «точно»! Он точно ведь: спрятан на дне

Океана. Какого? Какого-какого — такого!
Океана, которым является небо — шестого!
В толще коего, в полупрозрачной которого глуши и тиши,
Вероятностых цепи событий, точно водоросли, колышутся.

2.
Апрель, ез. Душа, за зиму
Вся как точно сменой у конвейера отшибленная,
С опаскою учится заново
Самой себе принадлежащей быть она.

Душа — она учится быть —
Сначала неуверенно и осторожно, —
Как точно засвингованный электробит.
То есть такой, какою быть ей и положено.

1981.04

***

От бессонницы в горле нагар,
А это утро — с пузырьками электрическими.
Как из морозилочки нарзан —
Аж до жопы чтоб продрало и прочистило.

Галерея улицы. Тополя готические
Руками всплеснули, встали на цыпочки
И сквозь ветви светится — небо голое;
Синим стынет голым — и голимым! — алкоголем.

И пучками (зелёными выстрелами!) —
Трам-дарам — тарурам — там дара —
Цвета такого, что аж вырви глаз,
Из подземного царства вырвавшаяся,
Охуев на свободе, — трава.

А на пересеченьи Ленина с Челюскинцев — там, между прочим,
Стоит, ещё аж с палео- времён -контакта
Замаскированный под белую церквушку ловко очень
Туманности со Андромеды звездолёт, ребята.

Он так стоит себя, пока ещё неузнанный,
Но вот сигнал придёт, рёв, как гитара с фуззом
Взревёт, ударит страшно пламя дюзами,
Округа сделается сразу вся такая,
Её как будто земле бы трясенье сотрясая,
И мы, в остолбененье, видим: вот, оно взлетает!

Но пока — тишина. Но пока — ох и глушь,
Ох глушь настолько офигительная и провинциальная,
Что становишься столь ты непревзойденно глуп, —
Что хоть режь бери на лавке сердце с инициалами.

На этой вот, которой на, сидишь, скамейке.

Весь в обалденьи пребывая от имеющегося воскресенья.
Весь в обалденьи пребывая от всего имеющегося, вот от этих клейких
Листочков, например, которые уже понавылазили, весенние.

В глуши сплошного наступающего пребывая мая
Собой самим себя себе являя ощущением,
Что ты являешься примерно чем-то вроде телепатограммы,
Её волны/частицы интер (оп) ферирующим (оп) сгущением.

1981, конец апреля. Тюмень, где-то в окрестностях Холодильной
улицы.

***

Сегодня день — ослепительно трезвый.
Сегодня день сообщает собою, что в нём прорезались
Таланты гравёра: тщательность, сосредоточенность,
Таланты гравёра — резкость, уверенность, точность,
И состояние меня и мира таково теперь: сплошные перспективы
высквоженные,
Дождём подакваренные малость, так и брызжущим.

Состояние мира подобным является лифту:
Сёрдце точно так же ёкает, когда он ёкает.
Просторного воздуха полную грудь набирая холодные литры,
Одно лишь и скажешь теперь, что сделалось ох ведь ё ты как!

Оно, то состояние, является каким то как бы вертолётнолопастным.
Ещё — как точно ваккуумная бомба лопнула.
Как будто улица, иначе говоря, взлететь пытается и хлопает вся
За неименьем крыльев — окнами.

То есть, в общем — не время спать.
Как стылая сталь сияет сизый асфальт.
То есть, вот что: не время ныть.
Лучше вой, дождавшись Луны.

1981 10

***

В этот день перемирия что ли,
Прекращенья огня ради праздника, —
Выпал снег. Шёл и шёл он.
И прятал тебя, как за пазухой.

Вот так бы это выразил, наверно,
Тот, кто любитель если аллегорий:
Подобен ветке (он б сказал) на мёрзлом дереве,
В снегу — как точно в гипсе весь по горло.

Он, ну, снег, если дальше в сравненья
Тут пускаться: он, верно, — как вата.
Да. По плотности, по тишине, и —
Он, ведь тоже, чтоб, типа, заматывать

Типа, раны.
Уходя в подсознание, как в подполье.
Уходя в нелегалы, в стихоплёты, в партизаны,
Собой являя чего-то навроде обреза, который скрыт под полою.

— 31 декабря 1981.

***

Помпезный месяц май — жара и лень —
Уходит в июнь, как поезд в тоннель;
Выходишь на улицу — там так
Солнце херачит — в глазах радужная темнота.

Выходишь. Июнь это, самая полночь
Чугунного лета; ты как — ещё помнишь,
Что ты был живой? Ууу! Летом, летом, —
Коль денег нет, ты всё равно что калека!

Выходишь на улицу. Разнообразные выпуклости
Со всех сторон, чтоб охуеть уже полностью
Прохладные, гладкие, — женския! — и так ох оно близко всё
На расстояньи руки, и с рукой той притом — разнополюсные.

Выходишь на улицу — дурацкий, нелепый;
Выходишь — и тотчас весь липким облеплен
Горячим потом, по поту — пылью;
Так фигле — ты хочешь, ещё чтоб любили

Тебя — вот такого? Разваренный, красный,
Рыхлый, распухший... За это, вот, братцы,
Короче, я и не люблю, братцы, лето.
За это вот самое вот за это.

— июнь 1982, Тюмень

***

Хуярит поезд, сука, так его еби,
Хуярит поезд, аж гром гремит;
Да, плочено не зря за скорость башли, —
Хуярит поезд, пиздячит блять, ебашит.

Хуярит поезд ёбаной железною змеёй,
Трясётся блять на стыках, блять летит почти что над землёй;
Летит ползком он, сука, змей-горыныч блять сияющий стальной,
Хуярит поезд, блять, ебашит, блять пидячит — ой ёй ёй!

Хуярит поезд, эта блядская железная змея,
Хуярит поезд, унося отсюдова меня;
Хуярит поезд так, что только блять держись, —
И это, братцы, просто ох как заебись!

1982 07; 2009 06

***

Ты просыпаешься — снег. Нынче утром
Не до частностей, ухватываешь главное:
Мир нов, необжит, неуютен
И высквожен, как телеграмма.

Растопыренные деревья, чёрные на белом.
Расступившееся небо, над белым белое.
Нету ничего, что не было бы небом,
И оно деревьями, поймано, как неводом.

И мораль такова: это ж явно тебя ради лично!
Это же специально устроено, чтоб наконец М.Немиров
Был обеспечен занятьем хорошим, полезным, отличным:
Тойсть — ходи — это видь — регистрируй.

Оно тебе — обоснованье, зачем ты на свете:
Затем, что коль небом затоплены улицы,
Так нужно, чтоб был, осознал бы кто это:
Что вся это природа — хуяк — и пизданулася.

2. И мир — он за сутки сделался зимний,
И снег — он, зараза, это он после
Будет зелёный, калиновый, синий,
Калёный палачески, иззубрено острый,

Ну а пока он был действительно — белый.
И мы в честь этого — бухали вовсю и квасили.
А тут ещё оказалось, что умер Брежнев.
Оказалось, действительно, жизнь пошла — ну ни хуя себе!

А тут ещё опс — и оттепель таять стало
Прямо в воздухе, падая ещё.
И жизнь становилась всё более странной.
И всё более — захватывающие.

Итэдэ — итэпэ. А потом!
А потом и вопще суп с котом.

1982 11 — 1987 07

***

Ты просыпаешься, ты умываешься, ты чистишь зубы. День —
Сомнамбулический; притом — как обморок; жизень наощупь:
Сплошным перечислением, топтанием на месте: и; и; итэпэ; и; итэдэ;
И блять опять тэдэ. И блять опять тэпэ! Возропщешь.

Накапливается воскресенье точно копоть
В лёгких от курева. К полудню
Кое-как додумываешься: кофе.
Дабы совсем не отумбееть.

Хорошо. В заведеньи, которое рядом,
Которое рядом, что удивительно (а это да, — удивительно!)
Берёшь стакан кофе, отвратительный — да, бля,
Но — в нём есть кофеин. А сей факт — охуителен.

И ты его пьёшь. А уже две недели
Восемьдесят третий, ёбана мазута!
А ты в нём — живой; блять, дурацкий, нелепый,
Но, однако, — живой! Блять, живой почему-то!

И, раз так, то мораль: блять, идите вы нахуй!
Я — живой! А от вас блять — тухлятиной пахнет!

1983 01

***

Утро жарит как рок энд ролл.
Утро жарит, как, ещё верней — джаз.
Утро жарит, оно джазит, джаст эн нау при этом, то есть — именно сейчас;
Потому что это — это лето, это лето, вот что, ох ты, ах ты,
эх ты гайда-тройка-распошёл!

Грохота много до чрезвычайности, лязга, и визга, и звона
Разнообразных отличных сверкающих медных
(И духовых; и ударных); и блеска-сверкания оных;
И на меня это всё с силой страшной обрушено, бедного!

Тапки (кроссовки), стремясь оправдать свою цену,
Перемещаться тебя заставляют по городу чуть не вприпрыжку;
Лето ребята! Ох, лето! Которое — вроде портвейна:
Так же по мОзгам шарахает это, которое выше описано.

Лето, ребята! Ох, лето! Такое, которое
Лето в натуре, голимое, майское лето раннее;
Лето, бигбэндовое и рокендролловое,
Медное всё духовое — и медное всё барабанное.

2. Жизень, короче, становится правильной до чрезвычайности,
Голову мозг хитроумными планами переполняет,
Так он маршруты выстраивает, чтоб непременно нечаянно
Встретить; кого? ну, конечно, тебя, дорогая.

Встретить тебя. Почему? Потому что ты ж очень хорошая!
Что ж до того, что свечением влажным
Глаз, губ, и всей прочией шкуры злодейской, змеючей своей — ты нарочно
(Конечно же) целенаправленно, как в Сахаре жажду,

Ты несомненно, нарочно, во мне растравливаешь; ну, так это является
— правильным.
Ясно поскольку, что — рассматривать это
Следует именно как уважения акт, ко мне тем проявленный:
И притом — уважения акт, как вот именно что как к поэту!

Типа: раз коль ты — поэт, красоты, тоесть, значит, сторонник;
ну так вот тебе! на её! так, чтоб дыбом
Вставали спондеи в строке, и не только они, но и
Власы, мысли, все прочее и остальное;
И вот так — да, это правильно так! Ибо, ибо

— итд.

1983 05

***

Есть курево, есть чай, есть место, где ты один,
Есть — середина августа, утро, суббота:
Нагое пространство, которое нужно обжить:
Хорошее время чтоб жить; хорошее время — работать.

Какое нынешнее лето настоящим летом было!
Два дня жары, — и трах! — гроза. Анапестоидный
Оно имело, лето, ритм, и медленной тяжёлой силой
Протяжной, мощною — являлося наполнено.

И каждую ночь наступает ночь.
Вечер назревает, как гроза — стремительно и равномерно.
Неуклонно и правильно становится в мире темно,
Неуклонно и правильно, быстро и верно

Начинает большая висеть луна.
Железная радость осени, опасный талант нежничать.
И жизень — проста и просторна, понятна насквозь и ясна;
А если кому непонятна, то и объяснять тому — незачем.

А лоджия — такова у меня, что на ней может быть — постелено.
А вино в магазине напротив — таково оно, что его может быть — закуплено.
И, под небом с большой луной, в состоянии свежести, испаряемой зеленью;
В состоянии мира таком, которое совокупно всё
Удивительное более чем, — тот редчайший, когда не зима
Вдруг происходит период жизни здесь…. Ну и далее, дорогая, —
Ты из этого, вышесказанного, несомненно, сама
Вывод пренайотличнейше выведешь, я полагаю.

1984, август, Тюмень, Широтная улица + 2011.05.

***

(Дадынь, дадынь, дадынь, дадынь —
Короче, это — вот такое тут начало.
Дадынь, дадынь, дадынь, дадынь —
Такое вот, короче, это тут, примерно говоря, начало.) —

Немиров шел по улице дурацкий как Немиров.
(дадынь, дадынь, дадынь, дадынь) —
Он погружен в весну, как щука в воду.
Он сочинял элегию для отомщенья ею миру.
Вернее, оду.

Немиров шел живой и не боялся смерти.
— А че её бояться, — отвечал он, — Просто неохота!
Такое состояние является естественным для марта:
Идти — и быть живым — а остальное — ох ты!

Немиров шёл живой, таким являясь как-то
Как точно щука, сказано же, ибо в городе затопленном весеннем.
Весь чрезвычайно будучи в восторге от такого удивительного факта:
Что — так много девчонок вокруг, и что — нравятся они все ему!

1985 03

***

«Зима в тот год началась необычайно рано».
Какая просто прям классическая фраза!
Какое просто прям начало девятнадцатого века русского неспешного романа!
А так оно и было: снег, метель, и сразу
Тихо стало, бело и странно;

Зима на дворе! Время сидеть дома;
Зима на дворе! Время сидеть и думать;
В месяце, короче октябре, в глухом, и в белом, в сонном
Хорошо сидеть дома, отключив, нафиг, все телефоны,
Хорошо приторможенным быть, рассудительным, малошумным;

Зима на дворе — время сидеть обалделым;
Зима на дворе — то есть, поздняк метаться;
Зима на дворе — но хорошая: мягкая, белая,
Тихая, мирная, — просто, братцы, аж обосраться.

Зима на дворе! — её страшная сила и слава
Тотального умиротворения.
Наступающего сразу, мгновенно, лавиною и обвалом.
О первой то есть, если речь вести поре ея.

— 7 октября 1985, тогдашний День конституции

***

Мы сидели на кухне с Крыловым и пили чай,
За деревянным мы самодельным сидели столом,
— Слушай, Крылов, какое дело я тебе расскажу сейчас, —
Я говорил Крылову. — Крылов

Я говорил: вот, октябарь, Крылов, вот, октябрь, гляди, вот ведь это же да!
Белые ночи закончены, летнее время отменено,
В девять — уже глубокая ночь, три часа как темно,
На зиму город зимовать залегает и правда на самое дно,
Дождь за окном — подтверждение: точно — вода.

Голые стены с обоями, голая лампочка под потолком.
Стол, например, за которым сидим — я, Крылов его сам сколотил.
Это, Крылов, это самое и называется коее — дом.
Хоть, конечно, и верно, что дом — это место, откуда придется — уйти.

Ох, Крылов, это верно, что мудростью
Я различной вдруг как-то проникся.
Например.....
или например.....

Или, например, ещё вот чему
Научился: при всех раскладах
Не делать, чего не хочется.
Иди оно всё сракозадом!

Или.....
.....
.....
.....

и т.д.

1985, осень, Тюмень — 1995, Москва

***

Насколько в кайф это, дарлинг, что
на улице грязь, осень и снег,
Мне очень нравится, дарлинг, что
на улице холод, ветер и дождь, —
Ведь это значит, дарлинг, что нам
нельзя пойти в гости или в кино.
Ведь это значит, дарлинг, что мы
должны провести воскресенье вдвоём.

Мне очень нравится, дарлинг, что
щелясты все окна, по дому гуляет сквозняк,
Мне это нравится, дарлинг, что
не топят, заразы, собачий холод в дому —
Ведь чтобы согреться, дарлинг, нам
придётся влезать то и дело в постель —
А ты понимаешь сама,
как се увлекательно,
дарлинг.

осень 1985, Тюмень

***

Четыре стены и дверь, которую можно закрыть.
В эпоху жилищного кризиса ты в это веруешь как
В скорый дивный новый прекрасный мир —
Сказать короче, точно просто как дурак.

Четыре стены, стол, кровать, стул.
Место, где ты, слава Богу, один, один.
Четыре стены, а главное — дверь, к которой на стук
Можно просто брать — и не подходить.

Четыре стены, вколоченных в месяц декабрь.
Отмененные на зиму улицы за окном.
Четыре стены, ну, и ты понимаешь, дарлинг,
Что ещё также притом.

1985 12

***

Нужны несчастья, чтобы чувствовать, что ты — живой;
Что ты — живой, раз можешь быть — убит;
Забившись в ночь, нору, дыру, под одеяло с головой,
Лбом к стенке притулившись, наизусть твердить:

— Нужны несчастья, чтобы чувствовать, что ты — живой,
Что ты — живой, что значит, должен быть — любим;
…… ой ёй, ой ёй, оё ёй, ой ёй,
……один один один один;

это парень инструкция
инструкция по выживания
это парень, тебе инструкция
инструкция по выживанию

Нужны несчастья, чтоб продрали, как песок,
Содрали друзей, привычки, надежды, всю прочую муть; —
Душа гола и проста, как железный столб,
Торчит на ветру, нацелена в небо, сияя как ртуть.

Оставь им хвост и убегай, учись у ящериц.
Нужны несчастья, чтоб вот какой несложный
Усвоить тезис: тот, что именуемое «настоящим» —
Оно не более чем перебор возможных

Дальнейших будущих. Земля в снегу, пустые небеса и ветер.
Нужны несчастья, чтоб понять, что это, собственно, и — всё,
Что собственно, и может быть на этом мёртвом белом свете.
И, следовательно — бегай, прыгай, разводить ищи —
чтоб выжить — из чего костёр…

Ещё вариант припева:

— Наступает декабрь,

Приносит покой и злость.

Наступает декабрь, —
Приносит радость, что ты один.

Наступает декабрь —
Чисто, холодно и светло.

Глубоководные ночи. Прозрачные дни.

Глубоководные ночи. Просторные дни.

1985 12

***

Вечер-то тёплый, но — с ледяной Луной.
Неадекватность в природе самой, так чего уж тебе.
Поэтому, парень, послушай, опасное дело — не спать по ночам весной!
Не спать по ночам весной — ой ёй ёй!

Весенней ночью нужно рано ложиться спать.
Пока совсем оно не накрыло, спеши эмигрировать в сон:
— Храни меня, дружбан братан фенозепам!
Стой на страже, кунак радедорм!

Весенняя ночь на похожа известно чего:
На радиоактивных явлений известный набор:
Сначала как будто оно, как известно, ничуть ничего
Однако накапливается, и — очень быстро, и — сразу, в упор —

……
……..
……..
……., —

Поэтому, брат, (впрочем также по массе причин и других)
Весенней ночью помни всегда успеть
Пока оно не дошло до совсем уж таких и сяких;
Сдать сознанье своё на хранение в сон как сейф, —

и т. д.; примерно май 1986, Тюмень.

***

Мне в этом городе очень уж, братцы, скучно, —
Нет у меня дружбанов, нет интересных книжек,
Нету весёлых, дурацких, безумных подружек,
Не с кем даже бабахнуть порою винишка.

Мне в этом городе очень уж грустно, ребята.
В этой пустыне у полюса, наглухо замороженной,
Мне, например, господа, вот чего нифига не понятно:
Где же всеобщие почести мне, за мой ум и талант, каковые положены.

Нет. Вот что главное: очень обидно уж из телевизора
Мне вдруг узнать, что имеется ж и Понаровская,
Где-то на свете, впридачу почти полуголая!
Так, не бросай же о! весёлый друг Агдам! одной и трезвою
Мою печальную, уже почти лысеющую голову!

— Надым, зима с 1986 на 1987

***

В небе вечер, в душе темно, ветер — даёт пизды…
И, хоть оно так, ты идёшь гулять, —
А то ведь совсем ебанёшься, блять.

или так:

Темнеет резко, точно в мире ка! та! строффа.
А это просто наступает вечер.
А это просто вечер, и, несмотря на ветер,
Ты надеваешь шарф и шапку, чтоб идти гулять,
А то чего-то снова как-то всё не так опять.

или вот так:

… Автобус подходит, являясь вместилищем радости:
Громоздкий, хвостатый, гаврилороманодержавино-
Подобный, — ответраукрывище он, да к тому же отапливаемое;
в сорокасемиградусный
Мороз, с ветерком, — он явленье, друзья, чрезвычайно желанное.

Автобус подходит, сияющий, точно аквариум
На чёрном; собою при этом являяся местом,
Где всегда собеседник имеется, коль захочется поразговаривать:
С умным оно человеком, — конечно, всегда интересно.

— Это с кем? — С кем, с кем. Ясно с кем. Сам с собою, конечно.
В мирозданье жестоком, железном и резким,
В этом мире, насквозь промороженный коий кромешный, —
Больше не с кем.

…

Так вот, он подходит, автобус. Так вот, ты садишься в него.
Садишься, чтоб ехать, и ехать, и ехать в мрак, мраз, хлад, ночь

Натурально арктическую, в коей живой — ты один, да не просто один,
а — единственный,
Как Робинзон, типа, Крузо. Или, лучше сказать, — типа Ной.

Автобус подходит, привозит тебе, где сесть,
Чтоб, наконец, спокойно сидеть и думать,
Кто ты такой вообще, и как быть тебе дальше здесь.
Такому, как есть: с’средоточенный: злой: невменяемый: умный.

Осточертев сам себе за истекше количество лет,
Придумать способ таки, как стать
Новый, блестящий и твёрдый, как новый пятак.
Человек в тулупе на мёртвой мёрзлой земле, —
Так, говоря фигурально. А впрочем, и попросту — так.

Деревянным как дерево научиться уметь быть,
Но, как вот именно дерево — тайно живым: в де – ка – бре
Это ох и успех: быть, ебать-колотить, —
Живой. Хоть — убей.

Как маскировочный халат используя, вот этот, начинающийся,
снегопад,
Душу пряча поглубже за пазуху, ибо она — всё равно, что обрез
Партизану; только одно тут и скажешь, являясь психопат:
«Всё охуительно, братцы!» — так только и скажешь.

Одно только жалко — что жизнь коротка.

1986, декабрь, Новый Уренгой

***

Помпезный месяц май, жара и лень, —
Уходит в июнь, как поезд в тоннель;
Выходишь на улицу — там так
Солнце хуярит, что аж в глазах — темнота.

Выходишь на улицы скорбеть по ушедшей весне.
Осуществлять деяния, которое делать нудно,
Ибо являют собою сплошное одно только “не”:
Не говорить — не встречать — не вспоминать — не думать.

Выходишь на улицу думать о том и о сём.
Стих сочинять дабы миру хоть как отомстить.
Модная тема — изобличать ментов.
Но мне никогда не мешали особенно жить менты.

Мне никогда не мешали особенно жить менты.
Мне никогда не мешало особенно жить кэгэбэ.
Мне если чего и мешало, так это одна только — ты:
Во всех своих падежах: тойсть — тебя (р.); тебе (д.); тобой (т.); и (п).: о тебе.

Выходишь по улицам, бродить по руинам весны.
Заходить в заведенье пить кофе, глазеть на девчонок,
Которые свитер — надели, но раз — и забыли штаны.
И так теперь из них растут очень ноги;

и проч., и проч.; Тюмень, конец мая 1987

***

Сначала весна, весна, весна.
Так много весны, что кажется, ну, вот и все:
Теперь вот так вот и будет, конечно, всегда,
А прежние сколько-то лет, это просто — ошибка, случайность, и то есть, короче, не в счёт.

Весна, которая, ну, как его? Ну это!
Которая идёт по нарастающей!
Которая вперёд и вверх, все выше, больше, дальше,
Потом однажды просыпаешься — а это уже лето.

Да, всё-таки лето, да, всё таки лето опять.
Да какое притом замечательное!
Только всем жировать, лишь тебе пропадать,
Лишь тебе — пропадать. Обязательно!

А тебе пропадать, а тебе утопать
В гуще медленно густеющего вечера,
Мутно-желто-красного, точно пески Магриба,
А тебе пропадать, и притом наблюдать,
Как со всех сторон плывут, сияют и светятся

Женщины — опасные и узкие, как рыбы,
Женщины — прохладные и гладкие, как рыбы,
Женщины — мерцающие, скользкие, точно, говорю же, — рыбы,
А ты есть весь пересохший при этом, так что аж трескаешься.

Женщины в шелковых майках с голой спиной,
Женщины в кожаных черных сверкающих юбках, ой ой ой ёй,
Женщины в браслетах под видом часов,
А некоторые есть, наверно, так и вовсе без трусов!

Только это всё — ни к чему.
Ибо это другому кому.

Ибо всем жировать, только мне пропадать, —
Одному!
Одному!
У-у-у!
У-у-у!

1987, лето, Тюмень — Ростов-на-Дону

***

Троллейбус мне мил зимой — передвижное тепло —
Но летом троллейбус являет собою колёсный ад.
Чего ж они, сволочи, так и не строят метро?!
Явлений своих негативных не прекратят!

Отдельные руководители кое-йщё где на местах
Не уделяют вниманья достаточно нуждам граждАн, —
Козлы блять, мудилы, ёбаная пидарасня!
Бюрократы ебучие, просто блядь зла не хватает!

Не зря меж собою давно уж повсюду гутарит народ:
Блядь хватит уж нянчиться, нужно уже с занесением им выносить!
В газете пора пропесочивать, ёбана в рот!
Уж нету терпения недоработок всех этих сносить!

Ростов-на-Дону, лето 1987

***

Душа, как известно, — дурман, и туман, и попытка диверсии.
Поскольку она есть — движение токов, электро- тойсть -химия.
Как здорово, дарлинг, что всё-таки — осень! Сырая, просторная, серая!
И мы два — живых, и поэтому — розовых, и — резонируем.

И вот мы стоим посреди (прямо так и скажу) — Вавилона,
Который и мчит, и несёт, и грохочет, и прочая, прочая;
Но мы вот стоим, в нём являясь отдельные — уединённые!
Что хоть невозможным и кажется, но оно — оно именно очень — так.

И в этих сумерках, как ни верти, а все равно — сиреневых!
И в дымчато еще прозрачно серо-голубых!
И, ясно дело, — перламутровых, а и ещё — серебряных,
И содержание состоянья нас и мира, щазз происходящего средь них,

Есть таково, его центральный пункт, о, дорогая Ольга, —
Оно есть то, что мы интерферируем, — а потому, что мы вибрируем!
В плывущем мареве муаровом, в слоисто-сизо-алкогольном,
Как буквы «б» и «р» в слове «вибрируем», вот как мы вибрируем!

– и проч. в таком духе — осень 1987, Ростов-на-Дону.

***

Февраль,.....
.....
.....
.....;

Февраль, его самый последний день,
……
……..
……

Февраль, когда город насквозь
Весной из будущего весь уже просвечен, как рентгеном,
А ты, в него вколочен, чёрный, непрозрачный точно гвоздь,
Стоишь, и смотришь, и вот что ох сильно понимаешь:

— А что до того, как вернее всего тебе отомстить,
Это — не делать этого вовсе никак:
Быть всячески милым, при встрече дарить цветки, —
Зачислить, короче, в различные прочие, много которых, которые —
так.

— Вернее всего и точнее всего тебе отомстить —
Это вовсе никак не хотеть отмщать:
Не то что, конечно, простить,
А — отнести к мелочам.

И вот сегодня как раз такой, darling, день.
День сознавать с изумленьем такой очевиднейший факт:
Так, значит, darling, ты — не более, чем — тень?
Плохая иллюстрация к моим стихам?

— февраль 1988, Ростов-на-Дону, Буденновский проспект.

***

Это февраль ещё только время самое
Тихое, и самое белое, и самое сонное,
Оно, пожалуй, можно выразиться, водолазное —
Предобморочное, звонкое оно, кессонное.

— Пойдём прогульнемся-ка, что ли, по Сити.
Глядеть, какой вечер этот
Узкий, морозный, но — долгий, но — синий,
И розовый! И фиолетовый!

«Рубин тьюздей» из Роллинг Стоунзов.
Гляди, какие прохожие!
Как, если разговаривают, то вполголоса,
А чаще замолкают настороженно.

А чаще замолкают, оборачиваются,
Оглядываются, будто их окликнули, —
Лица бледные у всех, усталые, одутловатые
Лица все такие в смысле зимние;

Ну так что же. Такого в честь вечера
Формулировать ща будем истины.
— Это время, когда очень здорово — весело! —
Оскорбленным быть и униженным.

Хорошо говорю, весело!
Погодите, мусью и дарлинги,
Погодите же, суки! Всего-то два месяца
До апреля — возмездия и воздаяния.

Февраль 1988, поезд Ростов-на-Дону — Тюмень.

***

Необитаемые расстояния зимы как тьма меж звёздами.
От тепла до тепла хрен знает сколько ехать промёрзлым насквозь троллейбусом.
Зима хоть, действительно, вой, останавливает лишь, что поздно —
Поперебудишь соседей.

……..
……..
…….
……..

Я знаю что делать: оденься и выйди на улицу.
Я знаю, что это смешно, как нелепо, что в мире,
Все вымерло нафиг, а именно способом «вымерзло»,
Но именно это заставит тебя, наконец, сформулировать,
Чего ж ты не валишь отсюда, чего ж ты так долго здесь мучишься.

А все дело в том, что в ночи этой обледенелой,
В вымерзлой этой отчизне, на северный полюс заброшенной,
Живётся не лучше, возможно, но точно — понятней и проще:
Здесь точно понятно, как следует жить и чего в жизни делать.

— Выгадывать маршрут, чтобы пореже против ветра.
— На всякий случай обходить подальше встречных милиционеров.
— Ну и другие ещё можно привести различные примеры, —
Но суть не в них. А в главном. Ну, а главное — всё это

Сосредоточенно, не отрываясь, не пропуская ни единой мелочи,
Своего рода вдохновенно даже, как машинистка, видел —
Вымарывает опечатки лезвиецем, —
Всё это ненавидеть.

Вот это, всё подряд. Вот это — всё.
Сосредоточенно, не отрываясь, вдохновенно, точно волк на

Воет луну, — ненавидеть всё это, и ненависть
Будет греть и веселить, как точно водка.

1988, март, Тюмень

***

«Хочу я поцеловыванным быть» —
Тобой! «Ай ванна би кисс бай ю, бейби, ай ванна би кисс»;
ТирьЯм, тирьЯм, тирьярирАм тирьям как бЫ;
И, говоря обратно по-английски, — йез ытыс;

«Ай ванна би кисс бай ю, бейби», ай ванна именно би, —
Пассивный залог.
Не в целях, то есть, проще говоря, немедленной любви,
А именно вот в смысле как действительно, залог

Дальнейшего возможного. Тойсть, объясню опять:
Являясь провожаемой, уже и попрощавшись, вот
Уже и развернувшись, чтобы вверх по лестнице бежать,
Внезапно вдруг обратно развернув себя наоборот,

Ничем не спровоцированно перламутровыми — хоп! —
Губами, теми, что твои, по тем, которые мои, — мазнуть,
И нырк в подъезд, чтоб мне, точно шарахнутому в лоб,
В условиях сияющей в ночи, как точно ртуть,

Весны — в тотальном состояньи обалденья пребывать.
Том, именуемо которое «оторопев».
Блистанье черных гладких мокрых луж ея осознавать,
Имея в голове вертящейся припев

Той песни, вышепроцитированной, тот, где шуби-дуби-ду.
И остальное прочее, которое примерно в эту же дуду.

1988 04 — 2011 04

***

Никелированный гремит мороз. Зимы
Торжественный, чудовищный, какой-то ящероподобный механизм,
Тебя хватает, сплющивает, зажимает в бабки,
Подводит суппорт, подаёт подачу, —
Мороз ревёт Бетховеном, визжит железо по-собачьи —
Какая ж в том, однако, правда-матка —

Стоять на остановке, стиснутый бескрайними снегами —
Чистое поле налево, пустырь новостройки направо —
Нелепый, крохотный, дурацкий, как Гагарин,
При этом, ясный барабан, опять неправый.

Жёсткий кустарник торчит из-под снега как брошенная арматура.
Брошенная арматура торчит из-под снега жёсткая, точно кустарник.
Только холод и солнце и ветер впереди по бокам и сзади, —
Люминесцентная жизнь. Нашатырное утро.

— На тысячи вёрст кругом чужая страна
В которой нет никого, кого бы хотел ты любить;
— На тысячу вёрст кругом чужая страна
В которой нет никого кем ты бы хотел быть любим;

Чужая страна, казармы, общаги, и драки
Траншеи теплоцентралей, руины заброшенных новостроек;
Вонь общежитий, трамвайная свальная давка,
Горькая водка и лучший писатель Горький,

— и всякое прочее в этом духе, сейчас уж и не помню, что;

Тюмень, декабрь 1984 — Надым, май 1988. Май? Май. Это ж Надым.
В мае там — так, да.

***

Какой у тебя, дорогая, красивый лифчик!
Белый какой! И хрустящий! Подобный, действительно, снегу!
Какие кружавчики сверху колючие! Как замороженные! Звёздочки!
Дырочки!, —
Какую, зараза, сулят упоенье и негу!

Как это здорово, что, дорогая, чулки на тебе — они в сеточку;
От этого я становлюсь хороший такой, задумчивый;
И белое лето меня наполняет по самое темечко,
И настоящее ах переполняется будущим,

И белое лето — пустое, огромное, медленное, —
Как автостоп в одиночку из Харькова до Хабаровска,
Как — ещё можно сравнить — было Грегору здорово Менделю
Жизнь между грядок гороховых так вот всю и пробарахтаться...

— Надым, июль 1988 г.

***

Тесная, как рыбья шкура, как чулок
Наступает ночь, ночь.
Эх, в какой же мне забиться уголок,
Чтоб её паскуду, превозмочь!

*

Вылетает поезд из тоннеля,
Как из пистолета он летит.
Вылетает поезд, эх, земеля!
Эх, тудыт его, собака, растудыт!

Вылетает поезд из тоннеля
Весь со страшным визгом он летит.
Предо мной распахивает двери,
Поглотить меня собой скорей хотит.

«Заходи, приятель!» — завлекает, —
«Ох, со страшной силой повезу!’’,
Всем своим железом он сверкает,
Всю являет страшную красу.

*

Вечер падал яростным домкратом,
В небе чёрном поднималася луна …
Вся душа моя смятением объята,
Вся душа моя смятением смятена.

Дивных вечер полон ароматов,
Ветром знойным веет ветерок,
Чёрным будто вся обклеена бархАтом
Ночь стоит. Лишь выйди за порог.

Всё таинственно кругом, и очень страшно,
Как в театре полыхают фонари...

Вдруг как ёкнет сердце и как трахнет!
Как похолодеет изнутри!

Чу! Идёт по улице красотка.
Вся как заграничное кино!
У нее особая походка,
На плечах её шикарное манто,

Ноги стройные свои она имеет,
У неё прохладные глаза,
Кто увидит — сразу онемеет,
Ни словечка вымолвить нельзя!

*

Только ты напрасно душу мучишь!
Для романтики прошли, брат, времена!
Ничего ты, здесь, брат, не получишь!
К иностранцам подалась она!

Эх ты, парень, паренёк зелёный,
Ты о женщине по морде не суди!
Рафаэлевской лицо у ней Мадонны,
Бездуховность полная в груди!

Эх вы, бабы! Всё бы вам колготки!
Фиг ли, дурам, вам в поэзии понять!
Падлы все вы и продажные кокотки,
Ох же как ведь просто эх насрать!

— сентябрь-октябрь 1988, Ростов-на-Дону и Москва.

***

Ты, в эротического содержанья позе,
Стоящая на перекрёстке!
Ты, заставляющая сердце моё азбукою морзе
Три точки выколачивать — и три тире — и снова точки, —
О ты, безжалостная бешеная роза!

Какая ты идёшь навстречу мне — хорошая!
Какая ты идёшь навстречу мне по улице — красивая!
Колотит сердце с нарастающею силою,
И даже — более того! И даже — ещё больше!

Я как парализован пребываю. И восторг! И стыд!
Аж сдавливает горло, выедает очи.
Как стыдно мне Немировым ничтожным быть,
А не... А не... Весенней чёрной мокрой этой ночью

В бандитском страшном переулке сём вечернем
Когда навстречу ты идешь, сияющая сильно
Своим ужасным прямо просто излученьем!
Опасная вся, точно радиоактивная!

Как молния: внезапная, хлыстообразная такая, длинная.

Ростов-на-Дону, сентябрь 1988; Москва, август 1989; Тюмень, осень того же года.

***

Улица подобна конусу подобна лестнице,
Улица подобна учебнику рисования, —
Осень выявляет сущность местной местности
Лишние детали устраняя.

Впридачу просвет обеспеченной жизни вдруг пожелал приоткрыться:
Заплочено вперёд за месяц за квартиру,
Закуплено чаю, и супа в пакетах, мешок макаронов да риса,
Машинка пишущая отремонтирована,
И сорок рублей ещё все же осталось — ещё аж на тридцать
Бутылок, если по рубль тридцать.

Душа, вот приказ: беззаботность теперь осществляй, типа разных прогулок
По этой по ихней Москве, её дырам по, щелям да лазам,
По хитроумным заковыристым секретным переулкам,
Которые, стоит за угол свернуть только — сразу, блять, разом
Открывается площадь, огромная, точно праздник.
Долгожданная, точно праздник,
Но и все же внезапная — как, говорю же блять, праздник.

И мне уже нравится ихняя эта Москва, просто кошмар!
И я уже даже уже и люблю её, но, конечно, не как сын,
А, скорей как влюбиться в мэрлин к примеру монро:
Декадентство сплошное, туманы сплошные да сны
Наяву, хотя и также и — наоборот;

Утром, поскольку на кухне жёлтого цвета свет,
И оказалось впридачу, что за ночь высыпал снег,
Шесть часов за окном до невозможности синие.
Долгий утренний чай. Медленный зимний рассвет.
Заторможенная идиллия…

и т.д. — октябрь и ноябрь 1988.

***

об Андрее Сахарове

Посмотришь первый раз — уёбок!
На деле — страшный интеллект!
И неподкупный его облик
Запомнит мир на тысчи лет.

Явления времён застойных,
Имевшиеся налицо,
Склоняли к жизнии тлетворный,
Стать заманяли говнецом;

Но ты сказал: “Ебал я в сраку!
Довольно, сука, потакать!
Хуярить надо бюрократов!
Ебала на хуй разбивать!”

Тебя поставить на колени
Пыталось всё Политбюро,
Но ты, как современный Ленин,
Ёб пидарасов этих в рот!

И кланяется низко в пояс
Тебе вся русская земля:
Идейно-нравственный свой поиск
Ты не забздел осуществлять.

1989. 05

***

Какой печальный праздник Первомай!
По выходным счас алкоголь не продавают,
Сидят граждане, позапёршись по домам,
Одни солдатики, несчастные, гуляют.

И я брожу меж них туда-сюда
По двухэтажным улицам воскресным,
И жизнь уходит, как меж пальцами вода,
Чрез эту пыльную унылую окрестность.

Но верю я, что есть такая дверь,
Где всё не так, где все совсем другое,
Где чудеса! Где гости! Где портвей!
Как будто в молодости! Будто при застое!

Где за накрытым все сажаются столом,
Где нету нужды думать, много ль водки
Сумето раздобыть, где есть при том
И незнакомые — и незамужние! — красотки!

Где дикой громкости орёт магнитофон,
Отчаянною музыкой пленяя,
Где, засадив стакан, другой, потом
Все в пляс как вдруг бросаться начинают;

Где вот уж вечер, вот уж ночь, и вдруг —
Всех вдруг задумчивость волною накрывает.
Все начинают приглашать подруг,
Попарно сильно с ними танцевают,

И я брожу, хожу туда-сюда,
И я ищу, ищу я двери эти...
Но это видно, только дивная мечта!
Ах, как печально жить на белом свете!

1989 05

***

Мне не хочется спать, не хочется пить
Чай, читать книжку не хочется,
Сердце с похмелья ночной учиняет брейкбит, —
Можно портвешечки жахнуть, но не в одиночку же.

Умней всего сейчас взять и поехать — в аэропорт!
Там всю ночь наливают кофе, там лазят девчонки,
Умней всего это делать немедленно, ездит покуда метро,
Одиннадцать, что ли пока ещё, что ли там, ночи.

Умней всего сейчас всячески к ним приставать,
Или, ежели нет, ну так просто ходить, зырить,
Из бутылочки себе тихонечко отхлёбывать,
А хороший человек найдется, так и с ним, конечно, закулдырить

Июль 1989, Москва.

***

О ты, тяжелому подобная похмелью!

Когда, однако, уже денег раздобыто,
Когда — за три часа до двух! — уже добыто,
Когда уже открыто и налито,
Когда уже мал-мало и отпито, —

Вот ты такая, как теперь слегка — помедлить.

— август 1989, Москва — Тюмень

***

Сексуального хочу я сильно наслажденья —
Совкупляться малость хочется мене!
Но не ради лишь телесного кипенья,
А и также ради дружбы, хоп йе йе!

Много разных счас товаров есть в ларечках кооперативных,
Даже деньги их имею покупать, —
Но туда и заходить мене противно:
Даж мне некому подарочков таскать,

Но ведь ты же, дорогая, не паскуда,
Так зачем же заставлять меня страдать?
Так давай сюда скорей свои мне обе груди,
Дай скорее мне их всячески хватать!

1989 09

***

Один тибетский чувачина, —
Он мистику наскрозь спознал,
И в том того была причина
Что силой страшной он облал.

Всё стало для него возможным!
Чего хотел, то воротил.
И бил астрально тут же в рожу,
В ком зла хоть каплю если зрил.

Непосвященный лох и дятел
Ему завидовал как волк,
Но лишь в утесах тело прятал, —
Ведь отомстить ему не мог.

И потому, имея силу,
Он точно был гранатомёт!
И сатанизм любой месил он,
И баб, каких хотел, тех ёб.

А вы, козлы, как ни томитесь, —
Козлами вам и пребывать,
Эзотерических коль истин
Не удостоены вы, блять!

1989, осень

***

Когда совсем уж я от жизни охуею,
Когда вконец меня измает белый свет,
В метра в таинственное я спускаюсь подземелье, —
Люминесцентный вечный тут рассвет.

Струятся гладкие здесь трубы переходов,
В пространства властно неизвестные влекут, —
Неумолим, точно державинские оды,
Подземный сей сомнамбулический маршрут.

Везде повсюду месмеризм здесь густой,
Повсюду сумрак серебристый разлит;
Сплошной везде забвения застой;
Позорные здесь бляди всюду лазят —

Пленяться всячески собой они манят!

1989, октябрь, Тюмень

***

Ах, какой сегодня день такой задумчивый!
Ах, какой он тусклый, матовый, мерцающий!
Ах, какой такой весь заторможенный и сумеречный,
Весь такой короче просто — настоящий.

Весь такой короче он — серейший.
Лед сухой, и снег утоптанный, и небо
Пасмурное, хмурое такое, и шершавое, и сразу речи
Длинные вести скорей неторопливые охота, чтобы

Ах, следить какую-нибудь этакую, например, науку,
Ах, вести беседы о любезности, к примеру, —
Так пойдем же, друг, пойдем скорей вперёд по переулку!
Там отличнейший один, я знаю, есть магазиньеро!

1989 11

***

Задушевнейшие дни настали!
Серые они, конечно, да, но и притом — лиловые!
Сумерки меня со страшной силой обуяли,
Всякая задумчивость приходит в голову,

Всякое лирическое (эх!) стихосложение,
И желание с девчонками познакомляться,
Наблюдая, как сверкающие всяческие отражения
По асфальту мокрому струятся (змеятся?),

Провоцируя различные соображения;

и проч. — 1989, ноябрь, Тюмень.

***

В самом, стало быть, конце восьмидесятых,
В их последние безумные недели,
Меланхолией безжалостной объятый,
Гибну я, точно шакал последний!

Что-то выдохся, йез. Что-то нету ни мочи, ни сил
Ни водяры хлестать, ни прекрасных стихов сочинять, —
Утешай меня, ласточка! В гости меня пригласи!
И, конечно, оставь ночевать.

Пригласи меня в гости, эх, в кресла меня усади,
Улыбайся загадочно мне,
Напои меня кофьем, беседу скорей заводи
О таланте моём и уме, —

Делай это, подруга! Плохого ни капли в том нет!
Ты подумай сама:
Это ж не просто так! Это чтоб же родной же стране
Сохранить же чудесный талант!

Тюмень, декабрь 1989

***

«Я пришла к поэту в гости» — да, всё так.
Ужасом поэт объят, недоумением, восторгом,
Мечется туда-сюда, как обосравшися, дурак,
Мысли мечутся в его мозгу, и мысли те, которым

Лучше самотеле(ле!)патически неконтролируемо
Бы не позволять транслироваться; впрочем —
Может, именно что позволять: мол, что поделаешь, уж вот такой немиров я,
Они сами, я тут не при чём! Короче, в общем,

Вся такая в тесном платье — точно хлыст!
В гладком, скользком, тёмно-голубом.
А кто ежели через сравненье это вычислит, что автор — мазохист,
Он, скорей всего, не прав, а дело в том,

Что гораздо ж увлекательней и правильней те, которые,
Внутреннюю ярость на лице их аж написана, —
Потому что фиг ли в тех из них, которы добрые, —
Добрые — они к любому добрые; нет, те которые ко всем — волчицами,

Те вдохновляют куда боле, когда вдруг наоборот, тебе.
Вот я чего, короче, дорогая, сообщить спешу тебе.

…….
…….
……
……

1989 12

1990e

***

Люблю сношаться я порою!
Признаться в этом нет стыда!
Естественное и простое
Ведь это дело, господа.

Ханжи, конечно, возмутятся,
«Да как посмел!» — начнут вонять,
Но хватит правды нам стесняться!
Важней всего нам правды знать!

Ханжи, ну, то есть, сталинисты,
Начнут сопеть, потеть, пердеть,
Все скользкие, как точно глИсты, —
Но люди! Нужно в корень зреть!

Дурили нас ведь эти падлы! —
«Ебаться, мол, нехорошо».
Но мы теперь узнали Правду:
Ебаться — очень хорошо!

Ведь речь же не о проститутках —
Конечно, нам их чужд разврат,
И тут уж нянчиться не нужно,
Одно лекарство здесь — тюрьма!

(Вариант: Пинай с разбегу их под зад!)

Но ежели девчонка парню
Отдастся честно, по любви, —
Плохого нету в том ни капли!
Один здоровый эротизм!

И люба коль тебе девчонка,,
И ей притом по нраву ты, —

Иди совокупляйся гордо!
Довольно всякой ссать хуйты!

1990, январь, Тюмень

***

На улицах январь лютует!
Ужасный ветер сильно дует,
И улица становится не улицей,
А лишь не более, чем транспортной артерией
(К тому же плохо фунциклирующей),
Каким-то нудным сплющенным пространством,
Которое даёт тебе просраться.

Какая-то не то, чтоб грусть, скорей уж злость
Под вечер мной овладевает.
Хочу чечётку бить! Хочу панкрок хуярить!
Порнографический журнал хочу я посмотреть!
Хочу быть позванным в какие-нибудь гости!
Там чай и кофе пить, о модернизме рассуждеть,
И ночевать оставленным быть после.

Хочу на путь я романтизма встать!
Хочу эпохе яростной быть адекватным! —
За водкой, тойсть, хочу сейчас бежать,
Имея деньги в кулаке зажаты;
Бежать в проклятый ужас, холод, мрак,
И возвращаться с пузырями — тойсть, с Победою! — в руках.

За что общественностью быть носимым на руках.

А женской половиной той общественности — ах!

Бабах! Шарах! Трахтах тахтах! И снова — ах!

1990, январь, Тюмень + 2009, январь, Королёв.

***

Хорошо в состояньи похмельном
Похмеляться куда-то идти;
И при этом иметь сумму денег —
Сумму денег прижавши к груди;

Обладая при том некой суммой —
И при этом — значительною,
И при том — мысли разные думать,
И при том — офигительные.

А кругом чтоб имелась столица,
А кругом чтоб имелась весна,
И опухшие наши чтоб лица
Озаряла бы эх! — красота;

А кругом чтобы таяньем пахло,
Мокрой новой чтоб пахло водой;
Чтобы отсветы влажные — ах ты! —
Всюду разные были б — оёй!

И мы б этому жадно внимали
И, без шапок, стремились вперёд,
А потом алкоголя ещё б отыскали,
И уж полный настал бы улёт!

Надым, 1990 05

***

Наступило всё же лето! —
Вот ведь ёбаный насрать!
Требует оно с поэта
Его сильно воспевать.
И я — буду делать это!
Ибо в этом — Правда, блять!

Да, блять, — наступило лето!
Ёбаный по голове!
Требует оно с поэта
Воспевать его (ойе).
И я — буду делать это!
Ибо — любо это мне!

Буду, буду, буду, буду!
Буду, буду, да, да, да!
Буду делать это, люди!
Пусть и скажут «ерунда».
Нет, друзья! Не ерунда.

Потому что — это ж лето!
Потому что — лето ведь!
А на что ж и быть поэтом,
Как не чтоб его воспеть?
Именно поэт — на это.
Се признает и медведь.

Вот и буду. Геть! Геть! Геть!

1990 06

***

Любовной, блять, лирики, блять, сочинять
Конечно, хотелось бы мне!
Но блять! Блять, кому её мне посвящать?
Давно уж блять в умственной тьме

Я. Блять! Точно сало в посылке. Огнём
Пылает блять хуй разум мой!
Одна лишь блять трезвость блять только блять в нём,
А чтобы порыв — о ё ёй.
Премудрой блять стал блять говной!

Вот раньше как, было, старался, дурак
Как бегал цветки там, дарить
И электрическая как
Дрожь била изнутри!

И был блять трепещущий блять весь дурак,
И ох блять восторг в этом был!
И мира тряс ось ну совсем точно так,
Как яростнейшая из горилл!

А нынче — ох, блять! Ох ты блять ох ты бля!
Всё — как блять писал Элиот:
Как точно блять высохшая земля!
А не удалой идиот.

А чё в том хорошего? Ньчё нихуя.
Вот так блять, ребята! Блять вот.

— Надым, начало июня 1990

***

На хуй мне она всралась,
Блядская Америка!
По-английски, блять, гундосить?
На хуй всралось мне оно!

Что я, на хуй, гинеколог?
Блять, какой-нибудь Рубинчик?
Я блять русский есть писатель!
Это вам не писю чамать!

11 июня 1990, Надым.

***

При царизме было Кайф,
Процветание былО,
И за свой прекрасный лайф
Весь народ ликовалО.

Но проклятой декадне
Это поперёк горла:
Всё желали, блять, оне
Попохабней чтоб разврат.

Всё бы, сукам, им стихий,
Всё бы им бы, падлам, ницш,
В жопу всё б им поебстись,
Чтоб ищё поганей нигилизм.

Всё б им, гадам, Дионис,
Всё бы логос да эйдОс, —
Вот и, суки, доеблись
До известно до чего-с.

1990, июнь, Надым.

***

О ты прекрасная! (ужасная!), похожая на Сандру,
На заграничную певицу, виденную мною
Опять сегодня в телевизоре! О ты, коварно,
Жесткосердечно! поразившая меня собою,

Непритязательному вкусу твоему
Хочу сознательно я потрафлять!
Да, впрочем, разве только твоему? и своему!
Хочу, короче, я тебе такое восклицать

При обращении: о ты, наичернейшая из роз!
Шикарными словами щеголять желаю я «астарта», «травиатта»;
Наипротяжнейшей из сладострастных — да! всерьёз!
Провозглашать тебя хочу скорей опять обратно;
Посколь таким я очень нравлющимся есть себе:
Такое вот провозглашающим когда — тебе!

Посколь и ты, и я, и мы обоя — йе! —
Такими именно вот и являемся же, в общем:
Людьми, которые всей этой ерунде
С восторгом предающиеся, находя её хорошей!

И я хочу скорей обоя их обоих нас,
Обоя их, то есть, — и ум, и глаз,
Хотя и слух, и силы прочих чувств
Ошеломлять скорее силою искусств,
Производящихся вот щас, хотя и мной,
На самом деле же — совсем само собой,
Ошеломлён поскольку весь я страшной силы всей тобой.

2. Да. Это всё есть так. Да только где
Всё это нынче? Это — где? Где-где.
Известно, где: хрен знает где, вот где!
Хрен знает где, в ужасной киргуде,

На самом дне её, под страшной толстой толщей
Неодолимого пространственно (эх) временного
Континуума, вот где. Ох, возропщешь!
Возропшешь, да. Но развернуть континуум тот так, чтоб снова

Всё запустить, то — хэ. Ведь он анизатропен,
Континуум указанный, и беспощаден он к антропам,
Являясь тупо весь непрошибаем, как Андропов,

Ну, разве что попробовать в стихах
Перевернуть его. Что я вот тут и делаю. Пытаюсь. Трах! Тарах.

— Надым, июнь 1990.

***

Гляжу, гляжу — вот это, братцы, да!
А то, гляжу, чего-то непонятное.
А присмотрелся: вот так да так да!
Расставились так ноги, задралось так платье, —

Вот это что; тотчас же камера туда
Тотчас же камера тотчас же нырк, зараза,
Скорее зырк туда своим слюнявым глазом —
Такое вот начало фильма, господа!

Сюжет такой примерно: ну, короче, лето.
Пустынный городок, простая жизнь, такая
Которая, короче, — как бы это? —
А вот: которая журча себе, неспешно протекает
Как получается (и как положено!); и там одна имеется такая —

Такая вся задумчивая ходит,
Такая в красном платье, снизу — развевающимся, сверху — тесном,
Так в гости к людям просто так она заходит,
Не для чего-то, просто так, находит интерес в том;

Зайдёт так в гости, сядет скромно, вся молчит, лишь непонятно улыбается, —
Такая вся прохладная, тенистая,
Но тут вдруг обнаруживается, что подол неловко так вот как-то задирается,
И там — так именно, как выше всё описано!
И начинается такое в голове теперь, что ну держись, о! а!

…

Такой, короче, кинофильм, друзья. Про лето!
Про лето, про его различные явления.
Про его медленные радости, такое вот кино. Про коии и это

Не премину заметить, также и стихотворение.

1990.06

***

Я скажу, друзья, вам прямо,
И отнюдь не без причин:
Заебал блять этот сраный
Весь блять концептуализм!

То есть — нет: оно, конечно,
Вроде даже хорошо, —
Эта всякая скворечня,
Всякой блять хуйни мешок;

То есть, — да: оно забавно,
Поражает даж порой
Всей своей однообразной
Безобразной хуергой,

Но от вас, друзья, не скрою,
И скажу без хуеты:
Все же хочется порою
И невъебенной красоты!

Надым, 19 июля 1990

***

Я лето полюбил.
А раньше его не любил.
Раньше я сильно его не любил,
А вот теперь — полюбил.

Четыре года ещё, дурак,
Назад — я его не любил,
Но вот уже три года, значит, как
Наоборот, полюбил.

И медленную жару,
И длительную пустоту,
И прочее тУру-туру
И даже и трУту-туту.

И возвращаться домой —
Да хоть, например, из кино,
По улице длинной, пустой —
И как так всё озарено,

И, значит, бренча ключом,
Стоять, ожидаючи лифт,
К стене привалившись плечом,
Усталый такой как шериф, —

За это всё, в частности, вот его и полюбив.

1990 07

***

Пузырёчки, пузырёчки,
Пузырёчечки мои!
Эх вы, жаркие денёчки,
Замечательные дни!

Борный спирт, и валерьяно,
И другое итэдэ, —
Зацепил я их нечайно
И упали все оне.

Залезал, короче, в ванну
Я, товарищи-друзья, —
И ведь был притом не пьяный!
Даж не выпивший был я!,

Но задел при том за столик —
Я за столик зацепёл,
И упали йни на полик —
Ох, гайда-тройка, рокенролл!

Но ни капли не разбились,
Хоть и грохнулися все,
А лишь только покатились —
Туба-риба, риба-се!

Но ни капли не разбились,
И целехоньки лежат,
А лишь только покатились
Пузырёчечки, билят!

Так и ты поэт! Будь стойкий,
Несгибаемый ты будь,
И в пожаре Перестройки
Про Поэзью не забудь!

И фигнёю злободневной
Не давай себя сманить,
А пленительных напевов
Тки и далее, блять, нить!

1990 07

***

В порядке инди виду уа лиз ммма
Предался я джоггингу (гу!) по системе Лидьярда;
В порядке тойсть лета!, очередной новой жизнью, —
Сосредоточенной, пустынной, равномерной, регулярной —

В который уж раз оказавшегося. То есть, в порядке
Планомерного Повышения Дальнейшего Роста
Планомерности Жизни; постепенно стремяся дойти до того, чтоб в тетрадке
Начать рисовать ежедневно тот рост планомерный. Ибо это есть просто

Увлекательнейшее занятие. В виде графика. Как она равномерно
Все растёт и растёт, вверх и вверх, постепенно и верно
Вожделенная та указанная Планомерность.
Жизни. И, притом, что вот именно главное, — Планомерно

Этот рост происходит. И это, вот это,
И вот это — ох, жизнь! Это самое то,
Что всегда ох же как я хотел,
Но устроить, чтоб так оно всё обстояло, никогда не умел,
Потому что различное всяко безумно-сумбурное это, и сё, и вон то…
А теперь, наконец, вдруг, нежданно-негаданно, раз! — и сумел.

1990 07

***

Как он в неё, гадину, — тырц! тырц!
Слепой! Наугад!
Она по башке его дырц —
И убегла.

Склизкая такая вжик как точно ящерица,
Жаркозадая, коль выражаться фигурально, а в реальности, наощупь, — наборот, прохладная,
Разорила, погубила его всячески, а после вовсе ухуящерила —
Вот такие все вы правда, бабы, — бляди.

Вот и ты, однако же, такая, точно, ласточка.
Собственно, за что мне так и нравишься —
Тойсть, не потому, конечно, что паскуда (чего нет, то нет!),
а потому что точно так же ты
Жаркозадой, но одновременно и прохладною являешься.

И ещё — такою гладкой, скользкою, как шёлк.
Что, конечно, верно, правильно и хорошо.

1990.07

***

Зашибает Илья Резник
Ох, наверно, хорошо!
У него, наверно, денег
Ох, наверно, эх, мешок!

Водит он блядей различных
Ох, наверно, в ресторан,
Он хватает неприлично
За различное их там;

Те хихикают, паскуды,
Задирают всё совсем,
Улыбаются разнуздно,
И всё прочее затем;

Я ж, поэт куда ж прекрасней, —
Попрекрасней уж его! —
Пропадаю безобразно,
Не имея ничего.

Надым, июль 1990

***

Летом жарко, летом нудно,
Летом всякая хуйня
Есть в пространстве ежминутно
И кусает, ест меня!

И летает, и кусает,
И погано так звенит,
И покою не давает,
Ни секунды не даит!

Мелкое ведь блять говно,
А вреда как до хуя!
Вот то-то, братцы, и оно.
Вот так, ребята. Сука-бля!

Можно продолжить, превратив в басню. Закончив выводом:

А подумать если правду,
То такое ведь говно
Не летучих только в гадах,
А и в людях есть оно!

1990 07

***

Ночью — в Москве — хорошо!
Ночью — в Москве — хорошо на такси, например,
За водкой ехать, медленный испытывая шок,
Своей являясь жизни перманентный революционер, —

Ночью! В Москве!
Имеется масса чудес, как то: осень, город, дождь,
Какой-нибудь насквозь промозглый сквер
В котором сильно, значит, повторяю, хорошо,

Употребляемым быть купленное из горла.
Сомнамбулический выдерживая тщательнейший ритм
В котором, значит, город, ночь, бульвар
В тумане измороси полурастворив-

Шиеся смешаны. Короче: ночью,
В городе Москве, короче, в августе,
В состоянии похмельной, значится, непрочности,
В состоянии похмельной (но уже опохмелённой!) благости,

В состоянии неизъяснимого химизма
В коем именно и состоит опохмеление,
В состоянии внезапного включенья силы жизни,
В общем, в том вот самом состоянии, которое пытаюсь вызвать я в читателе
вот этим вот стихотворением.

и т.д.

Июль 1990 г. Надым

***

Москва — смирению учит.
Уже хотя бы размерами.
Уже хотя бы своею, зараза, толкучкой
Троллейбусно (оп) метрополитенной;

Москва, она учит смирению!
Своими расстояниями огромными,
Преодолевая нудно кои, равномерно, —
Быстрей, конечно, можно, но не по карману;

Москва, сей такой она город, —
Отшибает она быстро вожделения!
Настолько всего тут по горло.
Красоток, например, офигенных,

Красоток, выставок, крутейших
Чувачин, которых всех, короче
Не переувлечешь, не пересмотришь, и, конечно,
Не продемонстрируешь им всем, сколь ты их круче, —

Москва, Полумира Столица, —

и т.д. □

Москва, август 1989, Надым, июль 1990 г.

***

На улицах грусть-печаль, —
Сыро, ветрено, холодно, —
Самое время крепчай-
Шего напитка какого-нибудь

Ёбнуть. Мало-мало его
То есть, в смысле, выпить.
Так сказать, какого-нибудь эх! коньяково-
Дочного содержанья жидкость

Потребить унутрь. Усесться у окна,
У окна усесться, загрустить, за эх кручиниться
— Ой да эх да, ой да ну да, ой да на!
Ой да эх, да ой да ох, да ламцадриница!

— Ой да эх, нога попала, ой да эх, да в колесо,
Ой да эх, она попала, это факт!
Ой нога, нога попала, факт, ребята, налицо
Вот так та-так оно, ребята, вот так так!

Ой да эх, нога попала, ой нога, нога, нога,
Ой да эх, да нОга-ножка, треньдибрень!
Вот какая, ой да эх, да ох, ребята, хуерга!
Вот такая, ох, ребята хуетень!

Надым, лето 1990.

***

Неизвестные селенья проезжая,
Проезжая неизвестные селенья,
Их осеннее унынье озирая,
Их унынье, одичанье, запустенье, —

И стал думать я. Не думать даже, а
(Это уже позже, глядя в мрак
Заоконный, да на горизонте огонька
Три загадочных), не думать стал, а так

Вот что понял: пидарасы блять, козлы!
Блять ебаные авангардисты!
Хули петрите по жизни, на хуй, вы!
Хули петрите вы, блять, по жизни!

Да, согласен. Да, унылый вид,
Да, угрюмые растянутые дали,
Но — неужли не хватает? не сквозит?
Впрочем, вы здесь никогда и не бывали.

И — не лезьте. Блять свой Брайтон Бич
Новый стройте, где хотите, здесь не надо!
А не то засвищет, фигурально выражаясь, наконец, народный бич
Ох, доскётесь, сука падла гады!

1990, сентябрь, поезд Абакан — Москва и поселок Балезино в Удмуртии

***

Ах, как хочется быть богатым!
Как это, братцы, наверно, приятно!
Ах как хочется, ну, например, ламбаду
Уметь танцевать развратно,

Всех присутствующих шампанским
Угощать направо и налево, —
Но положено быть мне штатским.
Страдать при том сильно с похмелья.

Ах как хочется, чтоб старались
Быть красотки еще красивЕй, — и спецально чтоб именно мне при том нравиться;
В платье этакие, знаете, такие наряжались,
Подолы у коих раз вдруг — развеваются;

Но положено быть мне — нудным.
Положено быть угрюмым.
Думать свою ёбаную думу,
Свою ёбаную думу думать, —

Потому что ведь являюсь я поэтом!
А поэту так положено, того ждут люди!
Вот приходится и соответствовать, ребята!
Иб иначе хуй поэзию мою народ полюбит.

1990, сентябрь, Москва

***

Ах я бедный, ах я несчастный,
Ах какой я талантливый ночью на кухне сижу!
За окном гудит вовсю ненастье,
Думу думаю, различны мысли в голове кружу.

Ах я бедный, ах я глупый Немиров!
Ах, не любит меня девчонки!
И позорным сижу я чувырлом
В половине четвёртого ночи!

И сижу я, и думаю думу,
И бычочков курю понасобранных, —
А такой ведь красивый! И умный!
Отчего и печально особенно.

А на улицу выйдешь с утра
За окурками в рядом подъезд,
На как улицу выскочишь — на!
Ну ни хэ себе! Там уже снег!

Там такое ни серо ни белое,
А такое как соляризованное,
И как всё тут понятно как сделается,
И как ясно! И как ох просторно!

И такая как сила блять мира
Сквозь меня как начнёт проходить
Что не зря, значьт, я всё же — Немиров.
Раз могу это всё ощутить.

1990 10

***

Душа — ничего не желает.
Кроме покоя.
Сосредоточенная и пустая
Душа оставаться желает, на всё остальное —

Искусство, политику, прочее там — положив с прибором.
В порядке как бы что ли — сомнамбулизма.
Дома сидеть в полудрёме,
Думать дурацкие мысли,

Перебирать бумажки,
Печатать машиночкой “Ивица”… —
Хули я вам, сука-блять, америкашка?
Лыбиться?!

Скорее угрюмые песни
Предпочитать мне свойственно.
Россия, короче, бедность.
Россия, короче, осень.

Душа хочет киснуть, киснуть,
Она понимает:
И не захочешь романтизма,
Так жизнь заставит!

Москва, октябрь 1990

***

Четырёх блять не менее ящиков
Братцы, требуется приобрести, —
Жизнь движется по восходящей,
Ноздри радует запах пизды,

Ослепительные ляжки —
Глаз: это платья, такие, которые
Холодные, скользкие, гладкие
В них наглей они, чем бы голые

Были б просто; восторженный стыд
Поднимается по позвоночнику,
Жизнь безумнейшая кипит —
Аж блять жарко ушам, аж поёживаешься;

Водка бьет по желудку как палкой —
Пьёшь — холодная, выпьешь — кипящая!
Жизнь безумнейшая, настоящая
Всей своею электромешалкой

И визжит и ревёт, и взвывает,
И хуюжит («хуярит» + «вьюжит»)
Блять восторженные дикий блять ужас,
Непрерывно производяет,
А поэт что сказал, всякий знает:

Про закат там, короче, печальный,
Про улыбкой, короче, прощальной.

6 ноября 1990, Москва.

***

Настоебало мне всё,
Все мне на, все мне сто, все мене и так далее,
Все сплошное мне настоебалие,
Ох же сука еббит ты май соул!

Ничем, что я вижу, я не, я у,
Я довлетворен. Аминчрай!
Любое, короче, чего наблюдаю вокруг, —
Нахуяй! нахуяй!

Ничем, ох, ребята, совсем я, ребята, ничем!
Зац ворай сэй! Зац ворай но!
Какое-то просто сплошное ребята совсем
Говно! говно!

Айм блять! Кэнт блять! Гет, блять-сука, но!

Москва, ноябрь 1990

***

Ох друзья как хреново с похмелья мене,
Ой хреново, друзья, хопана!
На фиг нужен, ребята, такой винегрет,
Нет хорошего тут ни хрена!
На фиг надо такого говна!

Потому что болит ж у меня голова,
Ой же бошечка же ой-ёй-ёй!
Потому что водяра ж вчера в ней была!
Наполнял же её алкоголь!

А водяру бухать я ж ох сильно люблю,
Это дело люблю же я как!
Но с утра — ох какое с утра айлюлю!
Ведь болит моя бошечка как!

Просто ох ты еббит мой кутак!

Москва, 1990, декабрь.

***

Хрен и знает друзья что сказать.
Хрен его знает, друзья.
Такое какое-то как-то билять,
Что и не сказать ни хуя.

Такое какое-то как-то всё так,
Что хуй что и скажешь чего.
Такое какое-то ёб мой кутак! —
А более ничего.

Являюсь, казалось бы, я же поэт, —
Весь мЫшленьем должен вскипать! —
Но вот ведь, оказывается, нет!
Ни крошечки, так твою мать.

Оказывается, друзья,
Дружочечки же вы мои,
Оказывается, опляля!
Оказывается, айлюли!

Оказывается, вот так,
А не по другому совсем:
Еблысь, и пиздык, и хуяк,
И — ничего, что затем.

Москва, декабрь 1990

***

Поеду-ка я повампирю!
‘Нэргетики хапну мал-мал!
А то уже дня как четыре
Чего-то я просто шакал.

В пол-пятого — на фиг! короче! —
Проснулся я сёдня с утра,
И что-то совсем уже в общем,
Блять чувствую, — просто хуйта.

Какой-то я что-то, короче
Никак что-то всё не очнусь.
Никак что-то с’средоточу
Сознанье в один я чтоб луч.

Поеду-ка я на вокзальчик!
Блять точно! Ещё же куда,
Когда блять и холод собачий,
И пол лишь шестого утра?

Блять точно! Поеду к вокзалу!
Как раньше же я не допёр!
Чтоб жизни моей заскучалой
Весь новый открылся простор!

Поеду на Киевский, братцы,
В толкучке его потолкусь,
На Курский! И на Ленинградский!
На фиг ли там есть, подивлюсь!

На мрак, и на холод во мраке,
На просто космический хлад, —
На то, как все словно в атаку,
Под ветром пригнувшись, бегят,

На ужас сей просто кромешный,
Но и на как всё же горит,
И люминесцентный, конечно,
Вокзала пАрлелепепИд!

Его невъебенный карбид!

13 января 1991, Москва.

***

Приятно всё же о блондинках попиздеть!
Вопрос рассматривать со всех сторон, сопоставлять, переставлять,
Свои суждения примерами из жизни подкреплять,
Со знаньем дела, тоесть, а не так лишь, — попиздеть,

Когда, при этом, — с ними же. Когда притом
Уже никак не успеваешь до метра
И значит, время коротая пиздежом,
Продлять придётся вечер до утра, —

Когда, конечно, с ними же! Тойсть, с их одной
Из представительниц, под проливной
Такси ловить ещё за водкой за одной,
Выскакивая, ливень, возвращаясь, продолжая: нет, Шувалов,
Неправы чтят химических кто ниже натуралов,

Когда ж наоборот: вид у химических куда же боле блядск!
А в этом ведь и цель!
Тут рифмы сами так и лезут дальше: «ласк», и аск,
И всяка остальная тарам-парам мадмуазель,

И разно прочее, тугдыг его в качель …

1991 10

***

Пала Москва, пала ебучая блудница пала!
Что в твоих подземных хваленых чертогах? Пятнарик теперь за проезд!
Что в твоих гумах да цумах да елисеях? На рыло сплошной нынче ноль!
А для чего советской власти давала?
Вот расплачиваться изволь.

В красных одеждах ты (ты!) меж людей фишшуряла?
Политбюровской подстилкой себя ты (ты, ты!) проявляла?
Весь ты народ ты советский, зараза, ты! ты! обжирала?
Ну вот так всё и выходит: позволь, этиленогликоль!

Так-то вот, сука, понятно? Но это — лишь только начало:
Чурки теперь володеют тобою, чечены, эстоны, американцы!
Честною раз ты зараза остаться являться не пожелала —
Бегай макдональдсы им (скажем мягко) теперь подноси, только этим тебе пробавляться,

Падла, паскуда продажная, ой-ёй-ёй-ёй!

ноябрь 1991, Москва.

***

Меж тем на улицах, оказыватца, выйдешь — ох как зашибись!
Так пусто, так голо, так там, оказыватца, братцы,
Оказыватца, продолжающая продолжаться всё же жизнь!
Оказыватца, продолжающая продолжаться.

Оказыватца, да. На улицах ли-У —
На лиу-лиу, лиу-лиу, лиу-гей, ге-гей! —
Такую ох как настроению слезливуу
Всё это дело как напустит на тебей,

На остановке стоя в Бибиреве, что хоть прям убей!
Что хоть водяры покупей иди скорей — и пей!
Что коль хоть чуть ума когда имей — то понимей:

Очень правильно же ведь живем!
Тихо, скромненько, бедненько так, т.е. так, в смысле, как
Самый смак!
Что понимает, впрочем, в общем, всяк.
Кто не совсем, конечно, ежели дурак.

Кто не мудила, в смысле, — ёбаный мудак.

Ноябрь 1991 г., Мурановская улица, г, Москва.

***

Небо в Москве по ночам, —
Оно почему-то бледно обычно зелёное.
Выйдешь, бывает, ночи среди по бычкам,
Или на тачку за водкою выскочишь, — и такое оно

Что фиг поймёшь его: мороз; ночь; город спит; кипит
Водяра в груди, и такая вокруг, братцы, глушь,
Что вот хрен бы и подумал, что Москва,
И такая не то, чтоб и грусть,
И такая не то, чтоб тоска,

А фиг поймёшь чего, сказано же. И мороз!
Ой, какой же мороз — ясный, твердый, как точно алмаз;
Точно чёрный алмаз! Вышибает аж слёзы из глаз;
Ох, не шутки, ребята! Ох, это, ребята, всерьёз!

И идти сквозь мороз, и идти, про себя бормотать
Из послания Феофана-Затворника кому-то из Аксаковых-младших:
"В первых строках письма моего спешу начать восстановлять
Пошатнувшуюся было веру вашу

В Вечность
загробных мучений и ада."
И чего тут ещё добавлять? Ничего добавлять не надо,
Сказанного (хоп! хоп!) достаточно, чтоб всё правильно (хоп!)
понимать,
Трепетать от того понимания,
И идти сквозь мороз, и опять понимать, но и оду при том сочинять
“Размышления о величии Божием при свете северного сияния”,

И опять, и опять, и опять.

и т.д. — январь 1992, Москва, Алтуфьевское шоссе.

***

Позорной болезнью, ребята,
Страдаю я сильно одной,
А если кому непонятно,
То я поясню: геморрой.

Казалось б, позорного что тут?
Болезнь — ну, такая болезнь.
Но если, друзья, без уверток,
Позорность в ней все-таки есть.

И с искренностью бесстрашной
Уж правду коль резать сполна,
Позорности ох до хрена ж в ней:
Не где-то, ведь в жопе она!

И очень бывает мне стыдно,
Когда обостренье ее.
Хотя за наружным цинизмом
И прячу я сердце своё.

1992 02

***

По Арбату биксы лазят —
Ох, ребята, огого!
Лазят так, что аж вылазят
Ума явленья моего!

Ох, такие, братцы биксы,
Что аж просто ачача!
Биксы просто клипсы-липсы! —
Так лишь и вскрикнешь сгоряча.

Ой вы биксы, росомахи,
Ой вы ж просто ой-ёй-ей!
Как обнажённы просто махи!
Но ток йщё более сильней!

И горячей — и прохладней.

Июнь 1992 г. Только не Арбат, а Калининский проспект. Новый Арбат.

***

От кого пахнет чем,
А от кого — и духами.
Сидишь так, бывает, опухший, похмельный совсем,
Сидишь, держишь пиво руками,

Сидишь, весь телесных немытых своих
Явлений могучий исток,
Сидишь, охуйваючичи от них,
Пьешь пива невкусный глоток,

Такой сидишь важный, как точно в парной,
Струишь весь потоками пот,
И тут как такое как ой ё ё ёй! —
Прохладное мимо идет!

И с силою страшною, как паровоз,
Бежит по спине мороз,
И мысли различные как ИСЗ
Давай в голове зэ-зэ-зэ,

И весь бытия ураган и поток
Как прям электрический ток!

Как ёбаный эх! кипяток!

Москва, Калининский проспект, июль 1992

***

Гля, бля, как снег повалил!
Прямо импрессионизм!
Снова, значит, Россия во мгле.
В четырех, эх! шагах и троллейбуса не увидать.
И во мгле мы с тобою стоим,
И во мгле мы стоим захолустья, Россия, Россия ты мать;
Ох ты жизнь моя! — лишь бормотать.

Ох, курьерская служба, ох же быстрая ты словно ртуть,
А по правде — так прям дзэн-буддизм,
Потому что троллейбусы очень уж медленно, гады, идуть,
Ну, а метра нудный ваккуум — он и тем боле про жизнь

Ох, заставляет задуматься. Нет.
Уточним. Не “задуматься”. А
Взглядом упёршись мелькание в кабелей в чёрном окне,
Заставляет — вдруг! сразу! всё! — понимать.

Понимать заставляет: так вот же оказыватца, как!
То-то думаешь, думаешь — как оно так?
А оказывается, вот как! Оказыватца вот так!
И правда: иначе-то — как?

Ох, курьерская служба, ох же ты охохо-охохо,
Ох же ты ой-ой-ой оёёй!
Алкохо ты моё, алкохо,
Ох олгой мой хорхой уренгой…

1992.11

***

И, ежели едешь в метро вверх,
Встань на пробу лицом не вперёд, а вниз.
Увидишь, ох, страшное. Увидишь как, эх! —
Опрокидывается станция и быстро, быстро как! вниз

Уходит, выдёргиваемая из-под ног.
Сжимаясь стремительно в чёрную дырку, в трубу,
В которой несёт эскалатор тебя вверх, в темно,
В мрак, в холод, ветер, которой уУу! уУ!

Освещённая, яркая, тёплая, — быстро-быстро уходит станция быстро за край,
Уходит из глаз она, быстро, примерно так, как,
Точно б это, теперь уносимое быстро, было то, именуемо коее — рай,
Из которого щас равномерно стремительно ты уносимый являешься в ужос и мрак;

И вот что ты тогда вот ты понимаешь тут,
Уносимый являясь в ту стылую вымороженную черноту,
В ту, которая тьма, то, сверху, и в кою тебя несёт,
Неотвратимо неостановимо, и вот

Что ты понимаешь тут: то что, значит, вот так
И душа разлучатися с телом будет, тут понимаешь ты.
а так уносима будет в лютый ужас и мрак
Лютого холода и вымороженной черноты,

И главно — как быстро! И главно — как необратимо,
Как равномерно-стремительно и неостановимо
Так оно будет с душой, обязательно! точно!
Так оно будет однажды когда-нибудь, щас ты увидел воочью;

И никто не поможет! никак! ничем!
Ничем и теперь никогда!

Вот чего ты понимаешь сознанием взорванным всем:
Даже весточки малой теперь им на землю туда

Не передать, чтобы узнали как ты теперь ты там.
Весточки даже хоть крошечной не передать братанам.
Отныне — никак никогда!

Ну и там далее много ещё всякого про воздушные мытарства понаписано — не буду публиковать. Не готов.

1992: 1998; 1999; 2000

***

Мороз имеет форму — шарообразную.
Это если без ветра. С ветром
Мороз имеет форму нагроможденья безобразного
Разнообразных сплющенных предметов,

Железных, ржавых, с рваными краями,
Автомобильное, короче, тут намёк на кладбище.
Но не такое, кое мирно бы покоилось, а вот такое, кое прямо —
Вообрази! — со страшной силой всей громадой мчащееся

С ужасной силою и грохотом, ревущее и рвущее,
С железным лязгом, громом, воем, хохотом;
Свои все панцыри железные израстопыря, нагло прущее,
Сметая всё с пути, так, что аж просто ох ты о!

…

Итак, он опускается — тяжёлый ветер.
Приземистый, приплюснутый как будто, вечер.
Пургой стираемый старательно с лица земли, как опечатка, город.
Покрытые обветренною коркой ветви,
Они — как точно загипсованы по горло.

Начинается ночь, тьма.
Это зима, зима.

Начинается тьма, ночь —
Никто из вас ни в чём не сможет (не схочет!) помочь.

Начинается ночь, ночь.
Как же, суку, её превозмочь!

Начинается тьма, тьма.
Ох ты мамочка, мама, ма, ма…

январь 1993 — 16 января 2009

***

Двурогая луна
У ней над головой.
И вот, мы видим, всходит над ней она!
Пот бежит по спине ледяной,
Всё остальное и прочее тоже ойой — ойойой;

Эта, короче, которая выше описана, эта, которая на
Пляшет, короче, столе, — имя её: Клодетта,
Ясное дело, конечно, а как же она
Может ещё называться, когда поразительно столь, что надето
То одеянье, которо на ней; всё в кружавчиках, в пене их; и, вот, ребята, вот это —

Это и есть жанмарэ, дартаньян, монтекристо, монмартрт, монпанрас,
Всякие прочи парижские тайны, которые нас
Бедных угрюмых совков так о! эх! поражали
Через своё синема, и Мишель же Мерсье! И Клаудия Кардинале!
И остальное шипучее всё и блистючее, кое бельфранс;

Или ещё вот отличное слово имеется — этуаль.
Сразу сиянье сияющее слышим мы в нём, но оно — сквозь вуаль;
Сразу сияние в нём — но такое как дымчатое; ну, как ног
Ох, увлекательнейшее нам известно, бывает, мерцание и свечение — через чулок
Чёрный, что, кстати, по ихнему же называется также — муар,
Также — нуар; итд; (что воспел, кста сказать, — Ренуар)
Лоск глянцявитый неяркий, угар, о! кошмар, о! пожар!

Ну, а мораль из всего из сего вытекающая… Да какая мораль? Только: ох!
Ибо, в общем, обычный являясь лох,
Как и в семьмисяттретьем, так и вот сейчас, рот разиня, сижу и смотрю.

И одно только «ох» вышссказанное повторяю. И в завершение — повторю.
1993. По материалам французского кинематографа.

***

... И вот вот так они сидят,
Являясь будто кипячёный лимонад.
Еще верней, они как будто бы варёный лук.
Семидесятые вокруг
Своей тухлятиной смердят,
Да добавляется людями то и дело «пук» да «пук-пук-пук».

Семидесятые — ох, презираю!
Вонючую их спёртую тухлятину!
Умом, конечно, что они, их обитатели, не виноваты, — понимаю;
Но, сука, вонько же! Ох как непродыхательно!

И это (оп) ещё тебе одно (оп) обвинение, совок!
Вон сколь людей своей пердятиною провонять ты смог.

Да так, что до сих пор они такими и остались —
Те, кто тогда ещё твоим зловоньем надышались.

1993 07

***

Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!

Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!

Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!

Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!
Хуй! Хуй! Хуй! Хуй!

1993 11

***

Сиреневый, серебряный, жемчужный, весь переливающийся,
Цвет, коий есть отличный, и амбивалентный, гад —
Одновременно и весны и осени; и люди все, охуеваючичи,
На это дело типа всячески глядят;

Сиреневый, лиловый, серебристо-фиолетовый,
Цветами этими зазывными природа прям с утра вовсю роскошествует.
И каждый спрашивает сам себя: к чему бы это?
И понимает: просто так! Весна! Такая вот она хорошая!

Жемчужный, серебристый, перламутровый, переливающийся;
Не побоюсь такого слова — весь опалесцирующий;
Такой, короче матово мерцающе-сияющий, —
Вот он каков, апреля цвет, его туманной сырости;

Серебристый; да. Цвета русалки.
Такая скользкая которая, такая водоплавающая;
Ну, далее оно само напрашивается: там про покупку алко-,
Чего-то содержащего, чтоб жизнь пошла ну вот такая уж ваще;

Что...

и т. д.

1994.04

***

Джаз, сия музыка небрежная, нарядная,
Сия шикарная. Она подпрыгивает.
Она наяривает и раскачивается в радио, —
Ведь это лето! Это лето, вот, вокруг, и всё вот так вот обстоит,

Как будто здесь — Америка! Её просперити!
Да впрочем, фигле то просперити, — как просто молодость!
И трам–парам (тут не придумал), трам-дурам, и те проспекты все
ТурАдамдам (тут не придумал тоже) — йа! вот так всё тойсть; —

Ведь это лето. Да ещё и девушки! И в летних сумерках
Их ноги золотистым светятся, и в полумраке сумерек мерцают,
Такие золотистые, и скользкие, и узкие, —
Как точно шпроты в масле, вот как прям они таинственно мерцают!

Ведь это лето! Лето жёлтое, и лето бежевое, выжженное;
Ведь это лето, южное ужасно всё такое,
Оно и палевое, и оно и рыжее, —
Вот оно лето, ежели когда (так редко!) есть, — оно такое.

Ведь это — лето! И оно такое, будто бы вокруг шестидесятые,
Ещё невинные; начало их; которые залиты солнцем так,
Которые восторгом наступающего будущего обуятые,
Которым самое есть верное название — это по-английски: «соммер тайм»;

Которы времена, конечно, глупости и бедности,
Зато невинности и беззаботности.
Чему и посвящаю я, как получилось, этот стих,
Посколь вот именно вот этого мне ох как не хватает, летних их
Дней, мне, погрязшему в конвейерном труде, в его угрюмой злобности;

— и т.д.

1994 июль; 2000, август, 2004, апрель.

***

Вот и лето, блять, вжик! —
Как и не было его.
Вот и осень — хуяк-пиздык!
Так, ребята. Ого ого-го.

Вот и осень, друзья, на дворе!
Хоппана! Хопцаца!
Вот и осень уже теперь,
Так что заплакать аж хочется.

Ах, ребята, как тучи сдвигаются
На политическом небосклоне!
Ах как что ж то на нас надвигается
Со всей силой своей неуклонной!

Ох, ребята, газет начитаешься,
Так трясутся аж просто руки, —
Ведь бывает же, что и сбывается,
Чего они пишут в них, суки!

Ох, ребята, сдвигаются тучи
На горизонте Отчизны!
Очень многие хочут мучить —
Вот в чём бед корень жизни.

Есть немало, кого так растащило,
Что готовы аж выстраиваться в очередь
Мучить. Лозунг их: а чё? а Чикатило?
Чем мы хуже? Нам тоже хочется!

Отомстить за своё уебанство
Чтоб хоть как хоть кому, люди
Есть такие, кто жаждет вот чем заняться:
Сажать на кол, вырывать груди,

Разны прочи применять заморочки
Книжки из «Молот ведьм» любимой.
У неё тиражи, между прочим!
Много, значит, их, таких господинов.

Эти самые люди наши,
Коих место, когда всё тихо,
Исключительно у параши,
Щас встрепётываются, глазки ихи,

Кои глазками снулой рыбы
Блять в период являются мира,
С-под змели вылезают, як грЫбы,
Начинают туда-сюда зырить,

— ну и так далее в примерно таком вот духе.

1994.09

***

На улице зима.
На улица зима, ебать конём!
На улице мороз своим пылает белым бешеным огнём,
А мы идём.

А мы идём с тобой вдвоём,
Под ветром пригибаясь как под артогнём,
Мы, пригибаясь, оскользаясь, перебежками бегём, —
Бутылку водки мы с собой несём.
Такую цилиндрическую, гладкую, холодную, весомую, прозрачную, несём.

И мы её, конечно, будем пить,
И обо всех явленьях жизни говорить
Со страшной силой все их прорубать,
И за одной ещё, и за ещё одной, и за одной ещё! бежать —

С большой, короче, пользой будем время проводить.

1995, осень

***

Блять, нахуяриться я на халяву сильно водяры хочу.
Я, впрочем, согласен и на свои, да откуда свои.
На тубареточке стоя, телепатическим в форточку криком кричу,
Всяко братков призывая: братки! Оу оу, братки!

Хуй там услышат братки. Братки
За миллион двести тысяч лёту отсюда рублей, —
Кто не в могиле; к тому же они, дураки, —
Поужзашиты из них — не менее трех четвертей.

Было бы проще бы, Летов я будь ебанат.
Было бы ясно, виновен кто в том, что вокруг.
Было бы ясно: гад Ельцын во всем виноват.
Было бы ясно: тукдык его, суку, цурюк.

Сам виноват: не фиг иметь тридцать шесть
Лет, а не двадцать семь.
А коли столько уже оглянулся, а есть,
Одно остается: терпеть, и ещё, и совсем.

4 июня 1997, Москва

***

Я б, умей на гитаре играть, —
Я бы стал её брать,
Вдохновенной б рукой стал по струнам бряцать,
Стал бы я напевать:

— Опять наебли.
— Опять наебали, опять.
— Опять наебли ай-люли корабли!
Наебали ох сука-билять,

Так я пел бы и пел нараспев,
И припев:

— Суки!
— Суки!
— Суки!
— Суки!
Наёбывают и наёбывают.
Как хочут так и наёбывают.

Стал бы жаловаться на жизнь —
Нудной, вязкой ставшей в последние годы
Только водярой одною которую и разжижить
Не такою была б чтобы клееподобной;

Стал бы плакать о том и о сём,
И вообще обо всём,
Повторять стал бы и повторять:
— Опять наебали, опять.
Опять наебали ебать блять копать!

Токовал бы как тетерев,
И припев:

— Наёбывают и наёбывают!
— Как хочут, так и наёбывают!
Суки!
Суки!
Суки!

1997.06

***

На улице сизо.
Не в смысле следственного изолятора,
А в смысле общего природы набухания грозой,
И как она всё электричество своё по капле, капле всё накапливаттора и накаппливатора,
Собой являя, как наука доказала, что-то вроде конденсатора-аккумулятора,

И, пива я купив, на остановке «Фомичева» нахожусь и рассуждаю там,
Как будто обращаясь к неким гипо-, так сказать, -тетическим браткам,
И обращаюсь к ним, такое дело говоря:
— Не знаю, как вы, друзья, а я

Все девяностые годы в какой-то морок как обморок был погружен:
Позорный период жизни автора этих строк:
Одна суета, одна хуета, одна бесконечная еботня —
Какой-то являлся просто морлок.
И долго, зараза, ведь длился он!
Пытался очнуться — никак не мог.

И я сижу на остановке, и я продолжаю так,
Я говорю себе “Ништяк, чувак, ништяк!
Чего-нибудь, короче, — говорю себе я — нужно срочно учудить.
Какую-нибудь чучу отчебучить.
Какую-нибудь эх едрить затеять растудыть,
А то совсем поглотит сумрак неминучий.”

И я сижу на остановке, никуда не едя, просто так,
А потому, что больше нет в окрестностях скамеек,
.....
.....

и так далее: август-сентябрь 1997, Северное Тушино.

***

Ракетоподобный образ жизни вынужден я вести.
“Рабочее тело” ракеты, — то, чего в ней горит, —
Есть кислород, как известно (кой жидок), но также ещё, прости, —
Спирт.

Поэтому, Птичка, не вздумай являться зла,
Не вздумай меня как обычно козлить и гнобить:
Ракеты цель, как известно не в том, чтобы пьяной быть,
Но, как известно, чтоб на орбиту спутники выводить,
(Пущего для почитанья тобою меня уточняю: при этом сгорая!) —
Что я, подруга, сказать фигурально, исправнейше исполняю —
То есть, стихи охуенные и охуительнейшие изготовляю и изготовляю.

Такие дела.

1997.10

***

Я люблю тебя за жопу и за ум —
То и это сразу всякому бросается в глаза,
Выдающимся являясь и большим.
Потому отнюдь я не являюся угрюм,
Обнаруживая их поблизости сознанием своим.

Потому-то потому и потому.
А ты думала — ещё-то почему?
Вот поэтому по самому всему.
Потому что так — по нраву моему!

Потому позволь строкой такою
Мадригал мене закончить этот мой:
Дай же встретиться жопе с рукою!
Той — твоёй, ну а этой — моёй.

1997 10

***

письмо в журнал «Итоги»

Господа! Стихи
Куда гораздо больше главней, чем кино.
Потому что стихи направляют мозги
У людей, а кино, что кино? Говно.

И поэтому, господа, поэтому,
Ежели хотите слыть круты,
Публикуйте лучше (и с цитатами) обзоры, как там что чего сейчас с поэтами,
А не видеохуеты.

Сообщайте же немедленно, коль что Гандлевский снова пьяный учудил,
Или Кушнер трезвый мудрость произнёс.
Это же куда как интересней тарантин-мудил!
Пригов иль Кибиров ведь и поумней, и побезумней, и поудивительнее сраных кинозвезд.

Выгоньте короче, Ю.Гладильщикова в киргуду,
А возьмите меня.
Я вам чики-чики это дело наведу.
Ведь обидно: неплохой журнал, а в нём такая вот попсовая фигня.

8 октября 1997, около 6 вечера.

****

Начальнику отдела поэзии журнала “Знамя”

Как же так выходит, Ольга Юрьевна?
Что ж меня вы с премией-то кинули?
Это уж дурного получается образчик юмора!
Поступили вы со мною, Ольга Юрьевна, как просто пидары!

Прочитал я, Ольга Юрьевна, в газете сообщение, —
Премии вы по итогам года присудили
В «Знамени» своём за лучшее в нём за год бывшее стихотворение.
Не нашёл я средь премированных, Ольга Юрьевна, своей фамилии!

Это уж выходит, Ольга Юрьевна, пощёчина!
Вы меня, выходит, только чтобы поглумиться напечатали!
А на самом деле, получается, не почитаете ну ни на крошечку!
За говно считаете, а не писателя!

Не хотелось б, Ольга Юрьевна, вам говорить обидное,
Но пример, однако, классиков нас чётко учит,
Как на подлости такие реагировать.
Что писал хотя б Катулл в аналогичном случае?

— Дрянь продажная, — писал издательнице он, — отдай таблички!
Ridentem catuli ore Galicani!
Так ведь прямо и писал, а дальше, Ольга Юрьевна, вовсе неприлично:
Там и lutum, и moecha putida, и lupanar, и всё подобными словами!

Я, однако, Ольга Юрьевна, питая всё же к вам почтение,
Ограничусь вышесказанным покуда.
В случае ж описанных явлений продолжения —
Предыдущую строфу поставить буду вынужден я в переводе.

январь — июнь 1998, Королев

***

Идите вы на хуй, ёбаные козлы, идите вы на хуй!
Идите вы на хуй, ёбаные козлы, ёбаная пидарасня!
Идите вы на хуй, идите, блять, суки, в пизду,
Идите блять в сраку, мудилы ебучие, на хуй идите, оставьте меня!

Идите вы на хуй, ёбаные козлы, идите вы на хуй,
Свою заберите всю ёбаную хуйню!
С собой заберите, что главное, свой, блять, козлиный, блять, запах;
Да на хуй, блять, эту, блять, вашу, блять мудозвотню!

Идите вы на хуй, вы блять заебали совсем,
Идите вы на хуй, вы блять, пидарасы, уже заебали вконец!
Идите вы на хуй, гандоны, так вам объявляю я всем!
Идите вы на хуй, а то уж блять полный пиздец!

Идите вы на хуй, короче, ебАные суки, идите вы на хуй в пизду!
Уж нету терпения гадское блядское это всё видеть курлы блять мурлы!
Идите вы на хуй, спиною вперёд, блять, и кланяясь: «Слушаюсь, сэр, и иду»,
Идите вы на хуй, и быстро при этом, и хуй вам на рыло, козлы!

1998 май, август.

***

День сегодня чрезвычайно замечательный,
Только я ужасно опечательный;
День сегодня офигенный, офигительный,
Только я в тоске неукоснительной;

или

Как же эта получилась лабуда?
Как же сделался такой я берендей?
Где же ты, моя былая удаль, господа?
Волки срать уехали на ней!

или:

Жизнь моя, ты хреновата;
Жизнь моя — ты как вся из ваты;
Каждый день всё одно и то же,
Просто даже аж безнадежно;

А на улицах — зашибись.
В городе Королёве на улице Королёва
Офигительная происходит жизнь такая, что держись!,
У меня лишь одного она хренова.

припев:

жизень мойяяыыыммм
жизень мойяяыыыммм
ля! ля! ля! ля!
ох тру! ляяя ляяяя

А на улицах вокруг — везде, повсюду
Люди ходят, бродят, покупают пиво и морожено,
Беззаботны и невинны, то есть, скажем грубо,

Именно всё происходит так, как и положено;

Я один-единственный лишь пропадаю.
А — сам виноват.
Не фиг было долбоёбом быть и разъебаем,
Не фиг было быть мудилой, понял, брат?

Так вот, типа удалой ты хасбулат.

жизень мойяяыыыммм
жизень мойяяыыыммм
ля! ля! ля! ля!
ох тру! ляяя ляяяя

5 июля 1998

***

В состоянии тусклой одури
Так вот всё вот я и пребываю.
Средств каких только против не поперепробовал —
Ни единое не помогает.

Пил водяру старательно, ради, типа, забвения,
Абсолютного ради беспамятства,
Дабы мозг выжигать, а потом — птица феникс мол я! —
Снова — хоп! — воспарять! Так и это отбаловался.

То и сё вытворял, к психиатрам ходил —
Сонапакс, рудотель, назепам, витамины, и столько
Ещё разного всякого принимал и колол и пил, —
Только толку…

Ничего не выходит! Лежалым и вянущим овощем
Так по-прежнему существоваю.
Ох ты ох ты, вот так, и вобще, и вобще оно,
Ох, тоска, ох тощища какая!

1998, лето; 2000, лето.

***

Слишком устали, слишком устали, все мы слишком устали!
Все мы не просто устали, а вот именно — слишком.
Требуется остановка; требуется вот чего: передышка;
Вот, ещё правильнее: требуется для начала

Получить хоть какую-нибудь хоть откуда-нибудь хорошую новость.
Сообщенье какое-нибудь, что хоть что-нибудь у кого-нибудь получилось.
Систематическое их отсутствие, новостей таких, это ведь самое то есть,
Которое больше всего так нас всех изнурило!

Требуется, ох, как требуется.
Да вот что-то всё не получается.
Все сообщения только о бедствиях да о бедствиях, —
Ужас, паника, стыд и отчаянье.

2. Вот, приложения ради, рассужденье о роли прессы
В царящих нынче повсюду унынии послеразгромном.
Лучше сказать — изумление: этой-то в чём интерес ей
Чудище ежедневно обло, стозёвно, озорно

Кликать да кликать, изо дня в день всё да изо дня
В день, раздувая отчаянье с паникой?
Неужель не понятно, что ведь так — и действительно вспыхнет?
Их же ведь первых оно и пожрёт, это пламя-то,

Их, журналюг, кои сдуру
Сеют и сеют ветер.
Ох, пожнём ведь стараньями этими (в том числе) бурю!
Ох, как страшно на белом свете!

3. Так я рассуждаю сегодня, в 6 часов вечеров после запоя.
Начитавшись газет, обнаружа в которых

Сплошные пророчества в форме истошного воя
Непременного скорого хаоса, глада и мора,

И я понимаю, что мне самому уже с этим не справиться,
Никаких нет уж сил,
И пора мне, пора, хоть и стыдно, — уподобиться страусу,
Голову спрятать скорее в аминазин,

В прочее оравнодушивающее, выдаваемое психиатрами…
Да, ребята. Вот так — эх, ребятаааааааа ….

июль 1998

***

Лишь только вроде жизнь собралась
Хоть чуть нормально протекать, —
Так тут же, раз, — и рубль обвалят.
И снова, блять, охуевать.

Лишь только вроде то и это —
Тарам-барам, мать, мать и мать, —
Так раз — окончилося лето,
Так раз — и осень, блять, опять.

И так всегда, всегда, блять, братцы!
Всегда, как точно блять назло!
Неужто правда хрен дождаться,
Чтоб тихо, чисто и тепло?

— август 1998 — финансовый кризис

***

Когда вокруг сплошная катастрофа,
И рубль пал,
И «голубые фишки», что бы термин сей ни означал,
Ведут себя ужасно плохо,
И ГКО конкретно оборзели,
И всюду только суматоха и скандал;

И нынешний режим, — он даже хуже, чем в учебнике истории КПСС,
Не фигурально ибо, а реально обанкротившийся есть режим,
И в пору прежнюю его бы сдать в ОБХС (СС!), —
Уж им бы там устроили, козлам, прижим;
Но это им, козлам, а что же делать нам?
(Да впрочем, хрен там, им, козлам — скорей уж снова нам!)

Попробовал я было лампу вывернуть из люстры,
Её тереть, взывать: «Явись, явись могущественный к нам Хоттабыч,
Всё, что имеется, переверни наоборот!»

Но гад Хоттабыч только бородёнкою вольфрамовой трясёт,
А повернуть назад, к всему былому замечательному, — даже он не в состоянии.

август 1998 — небезызвестный дефолт.

***

ещё о финансовом кризисе

На улицах — ё-моё!
С неба хлещет, как из ведра!
Настроение же моё
То есть из дому прямо с утра

Выскочивши, возле книжного магазина,
Под его козырьком укрываясь, с утра побежав за газетами,
Узнавать, что же как там творится в связи с ох, известной причиной.
«Коммерсант» изучая и весь трепетая при этом, —

Что сообщат? Ждут ли очереди нас, голод-холод
Нынче зимой? Впрочем, это бы хули бы, ладно,
Переживём; не впервой; но не ждут ль нас безумные лютые толпы,
Все сокрушающие беспощадно,

Да им вспоследующие коммунизм да нацизм впополаме?
Этого, Господи, только хотя бы не надо!
Пережить-то, конечно, возможно и это, да очень гнуснопогано.
Эту вот чашу бы, Господи, мимо пронесть бы хотя бы!

Так оно, да. А при этом ещё вот что: своею
Жизнью текущей, я, стыдно сказать, — доволен.
Наконец равномерною ставшею, правильной ею,
Планомерной, безалкогольной;
И хоть жизень общественная есть такова, что, конечно, просто хуею,
Факт наличия осени, вот, наступившей, гораздо, однако сильнее.

Потому что ведь как же люблю, пацаны, я вот эту вот осень!
Так я люблю её, братцы, (брателлы! братушечки!),
Так я люблю её, братцы брателлы братушечки,
(Ёптыть, однако! И в этом, выходит, подобен я Пушкину!)

……

— и т.д.

2.
Как обычно, в конце — комментарий.
Рубинштейн пресловутый,
Эти стихи вот ему попадись, если б он прочитай их,
Гордый, гордо бы он надо мной посмеялся бы. Потому как

Не цитирует автор их (я) Дерриду и Делёза однако.
Даже Хайдеггер тут не упомянут ни разу, что вовсе уже неприлично.
Стихотворение наиобщеобычное,
Типа (стыдно при людях такое и вымолвить вслух!) Тютчева иль Пастернака.

— Фи! — скривился бы сказал перекладыватель гордый
Карточек библиотечных.
Так бы и написал в «Итогах».
Даже не написал бы: «Человеческое, —
Он пробурчал бы брезгливо, — слишком уж человеческое».

Что тут ответить? Да только себя процитировать,
Мною, в Тюмени ещё, в аналогичных случаях
В восьмидесятых ещё был придуман ответ, Мирославом Немировым:
Хуле ты петрить способен в поэзии, чмо ты ебучее!

Вот каков (очень правильный) мной им ответ.
Лучше коего — нет.
Нет.
Нет.
Нет.

начало сентября 1998.

***

День укорачивается и укорачивается, всё укорачивается и
укорачивается;
Лето, как впрочем и пять предыдущих, отличнейшим было, но только
я, дятел,
Им ни чуть-чуть не успел насладиться, фигнёю различною всё
заморачивался
и заморачивался,
Дни золотые (буквально! ведь лето!) на ерунду всё различную тратил и
тратил;

День каждый день аж на глаз видно как укорачивается и
укорачивается,
Самое главное же, что, как посмотришь на то, что
Там, позади, так увидишь, что нечего лучше совсем оборачиваться, —
Всё там безумно, и обло, озОрно, стозевно, позорно,

День укорачивается и укорачивается, всё укорачивается и
укорачивается,
Тьма с обеих сторон каждый день от него отъедает;
Ладно бы день — жизнь ох как быстро всё укорачивается и
укорачивается,
Жизень! Моя! Замечательная вся такая!

Тьма с равномерной стремительной скоростию на неё наступает;

сентябрь 1998

***

Сомнений нет, что именно Марине Влади,
Её с большими сиськами, конкретно, роли из кино “Колдунья”,
Обязаны мы изобилью в нашем поколеньи девушек Марина.
Но вот о чём, однако, следует подумать:
А не звучанье ли её фамилии повинно
В том факте, что Марины те, как это всем известно, боле-менее все — бляди?

А что оно есть так — то непреложный факт.
Одна такая, помню, мимо проходила,
Примерно в семисятседьмом, вся с оттопыренною жопой, круглой, в красных сапогах, —
Ох, из неё какая сила била!
Еще с кудряшками, с глазами точно звезды — ах-трах-страх!
И именно Марина, как потом узнал я, её имя было!

А вот ещё был, помню, случай... Впрочем, хули!
Всё это только рассуждения абстрактны.
Уж я не знаю — потому ли, посему ли,
Но так сложилась жизнь, прошло она так как-то,
Её суровые так разложились факты,
Что так и не пришлось ни разу ни единой мне из этих
Поближе познакомиться, каких такое множество имелося на свете.
Оно, конечно, вроде и не поздно, —
Подумать если, то не так уж я и стар,
К тому же, если взяться, наконец, совсем за ум,
Могу заделаться в кругах определенных так и вовсе суперстар,
А тут ещё позавчера нечаянно, как оказалось, и с женой развёлся,
И можно вовсе закатить совсем зелёный шум,
Такой, что ой-ёй-ёй, елдык-тык-дык и ексель-моксель!

Да разве нынешни Марины — те Марины,
Которые тогда, в последней четверти семидесятых,
Да в первой четверти потом ещё восьмидесятых?

Которые, хотя ебливы просто ужас,
На самом деле, в сущности, вполне невинны,
Ибо ебливы в основном из любопытства да за-ради дружбы?

А, впрочем, может быть, Марины-то и те —
Что, собственно, коль если прямо уж и честно,
Оно о нынешних Маринах мне известно,
Мене, погрязшему в позорной суете;

Да разве нынешний Немиров — тот Немиров,
На оных коий жадными очами зырил,
Весь трепеща, и трепеща опять, и охуйвая,
И уж совсем собой уж не сказать кого, являя,
Когда они со всех сторон и повсеместно;

И разве ……
……..
……..
……..
……
…… ?

И обнаруживая с ужасом — ох мама!
Опухш являюсь, и залёжан, и плешив!
О, жизнь моя! Как я тобой обманут!
Как я, оказыватся, аз езмь наебшись!

июль 1998

P.S.

Да и с женою помирился я обратно,
И даже с рюмочкой проститься был заставлен.
Расти же, плешь, расти! Будь вовсе необъятна!
Живъём души меня, забвение печально!

октябрь 1998

***

Имея ампутированными улицы по самую аж дверь —
Ибо ох и мороз — хлад, мрак, мраз!
Себя имея прячущимся в логове, позорный точно зверь —
Как зверь позорный, ез, вот кто езмь аз сейчас;

Как зверь — какой? Такой: как змей морской на дне
Морском под много и километровою и многотонной толщей
Воды мороза тойсть, под страшной чёрной, звуко- свето- под непроницаемой — ойе!
Как в батискафе водолаз, вот зверь какой, короче.
Насчёт завыть — не знаю, но уж точно — ох, возропщешь

Непрошибаемою толщей стужи, расстояниями, как тьма
Меж звезд, невообразимые которы для ума,
Необитаемыми парсеками мрака с холодом, которыми является зима, —
Всем этим наглухо отрезан от людей,
Как уличенный типа именно убийца и злодей,
Как зверь, в начале упомянутый, запёртый в камере своей, —
Так вот чего сейчас хоть осознать умей:

Ошибка главная, котору ты, брателло, совершил —
Недостаточно ныл.

Российской жизни, брателло, ты разве не знаешь, устройство какое?
Русские люди не любят тех, кто не ноет.

И, жизней лютою, принужден, наконец, ты это понимать,
И пробовать, раз так, немедленно, в стихотвореньи прямо этом, ныть учиться начинать.
декабрь 1981; 5 ноября 1998

***

Есть и это на свете, и то, а и есть ведь на свете
И другое йщё то, и другое ещё, и четвёртое это;
Есть и девятое, и сорокпятое, и миллиардтыщадвестидвенадцатое;
Столько на свете имеется много различнейших разностей,
Что загрустишь. Так на свете имеется много, оказывается
Сверхинтересного, что в магазин, например, книжный — лучше и не показываться:
Слишком тоска обует: на одного лишь Брокгауза

С Эфросом глянешь; а там и Британнику видишь; и/или
Более мелкого чьго, но не мень завлекательного, коего просто кубически мили
В мире; в котором к тому же — да в Лейбнице вот хоть — ни формулки
И не понять; а ведь кто-то читает всё это; да что там читает, сам пишет! —
и эти вот полки —

Фигля там звёздное небо, скажу вам, которым
Восхищаться положено и трепетать — вот где ужаса, братцы, восторга
Капище, братцы.
Вот он где, Страх-то Господен, вот де охать лишь да смиряться, —

В книжном простом магазине, который…

Ох, забери меня, Птичка, отсюда, нет сил это видеть, купи мне — забыться! — водяры!

1990, 11 июня, Надым — 1998, 7 ноября, Москва

***

Девчонки, девчонки, девчонки в босоножках!
Ну полюбите же меня вы хоть немножко!

О, замечательные нынешние девушки,
Вы что ж вот так вот мимо пролетаете? Я совсем ещё не дедушка!

Вы почему, такие замечательные сплошь разнообразно,
Так мной манкируете совершенно безобразно?

Девчонки новомодные, которы на платформах!
Коль так и далее пойдёт, я в Лигу обращусь За Сексуальные Реформы!

Одумайтесь немедленно, создания с ногами!
А то (в стихах! навеки!) заклеймлю названием вас женска пола
дураками!

Одумайтесь, одумайтесь, опомнитесь, цыплёночки!
Ведь я совсем же пропадаю, просто прям козлёночек.

июнь 1999

2000e

***

Зимой — темно, а летом — светло.
Зимой, чтобы выйти из дому, различных предметов шесть
Нужно надеть — кальсоны, свитер, ботинки, шарф, шапку, пальто,
А летом — идёшь как есть.
И вывод: зимой очень плохо всё, дико, холодно и западло,
А летом — напротив, отлично всё и замечательно здесь.

Таковы наблюдения автора этих строк
Над явлениями бытия.
Вот каков, братцы, есть тот конкретный урок
Что преподаёт нам, когда наблюдательность есть в ней, Поэзия;

Потому что, братан, приглядись и увидь: всё ведь именно так!
Ты мозги-то разуй да подумай хоть каплю, братан!
И увидишь: лишь только кто если болван, и баран, и дурак
Отрицать это станет. Ну иль — злономренный кто хитрован-шарлатан.

Если наглый кто глист!

Если блядский и гадский кто, типа, коммунофашист!

29 января 2000, воскресенье

***

К слову полиграфия
Рифма — порнография.
А к слову конституция —
Конечно, проституция.

Это я к чему? А вот к чему: печальные,
Заставляют призадуматься такие наблюденья безобразные!
Потому что ведь не может быть, что в мире всё случайно!
Нет, конечно! В мире всё взаимосвязано!

Следовательно ……..
……
…….
…….

Впрочем, ладно, хрен с ней, с лингвофилософией,
Лучше сразу перейдем к дальнейшему,
Коее к тому же, если говорить уж всё как есть совсем,
Есть на самом деле, без сомнения, главнейшее; —

Именно: без постоянной организма алкоголизации
Жить, оказывается, очень нудно!
И, конечно, правильней всего сейчас вот взять да и нажраться, —
Это сделать даже и нетрудно, —

Деньги я имею, вот ведь как!
Редкий случай — я имею их!
И напротив дома — три ларька,
Прям в окно их видно — открытЫх;

Но завел себе я лютую жену,
И живу теперь позорный как шакал:
За невинно развлеченье тут же ну
И ужасный ждёт тотчас меня скандал!

Вот, ребята, жизнь людская какова!
Пусть кто думает, она не такова,
Пусть он знает: она именно вот так вот такова,
А не вовсе другова не какова!

Таково оно вот, с давних пор
Вытворяемое беспросветное женАми!
Так пускай хотя б им, гадинам, позор
В замечательных стихах перед людЯми!

— зима 2000. Очередной вопль алкоголика из-под каблука. Много их у меня.

***

Красотейшинг
У меня в комнатейшинг —
Полный йес! Супер йес!
Это да, се факт, такое дело есть:

Погодейшинг —
Прям совсем отличнейшинг;
Морозейшинг;
Квартирейшинг —
Вся солнцейшингом осветейшинг;
В головейшинг
Тоже всё, наконец, просветлейшинг —
Зашибись все и просто pisdetz;

Только вот: но как только темнеть начинается
Так сразу всё и не то начинается;
Как только сумерки наползают,
Тут сразу тут и тоска заползает

В дом. И всё остальное. И прочее.
Страх и тревога? Конечно! И, в общем, короче
Всё остальное как тут начинается сильно,
Именуемо что «состояние, близкое к депрессивному», —

Сразу, да, — ерунда вот какая.
И что делать, когда я другого не знаю
Средства оборониться от этого, кроме как вот как:
Кроме как только того, что дорога теперь прямая
В ларёк, куда же ещё! Чтобы водку

Там покупать. И — ведь деньги же есть! А — нельзя.
Будет снова семейный скандал,
Буду снова, опять, как всегда я, друзья
Пьяный злобный позорный шакал,

А потом!
А на следуйщий день!
А на следуйщий после следующего!..

февраль 2000

***

Сегодня понедельник,
А завтра — уже вторник,
А там уж и среда —
Среда, о да.
Среда о да да-да.

А там уж остаётся
Что и не считаётся —
Там типа ерунда
Тарай-дуда-дуда.

О да!
Да-да!
Совсем уж ерунда!

июнь 2000

***

В Москву и обратно
Ехать — приятно,
И даже обычно —
Просто отлично

Летом, в условиях летних
Лёгких сумерек, без пальто, что всего замечательней
Ехать, думать, дальше думать, дальше ехать,
В состояньи пребывать таком как бы мечтательном;

Лето; ранний вечер; электричка — всё, как будто приключение
Будет впереди, возможно даже — романтическое;
Вероятнее, конечно, попросту нахрюкаться, но это дело тоже офигенное,
Тоже — запрещённое, и тоже эх! — отличное;

Летом, в Москву, в малолюдной (пустой!) электричечке
В воскресенье, да! в восемь примерно, в воскресном
Настроении тихом, умильном, отличном,
По воскресным и летним тымдым громыхать по окрестностям

В Полумира Столицу в железной о эх электричечке.
Ну, а с остальной комбинаторикою предоставим тут читателю
Дальше управляться самому, тойсь, расставлять-переставлять слова про всё отличное,
меланхолическое,
Сумеречное мало-мал, и многообещающее и, короче, замечательное;

Главное — слова использовать какможноболемногосложные;
Это именно и предаёт протяжность и задумчивость;
Сложное от них становится движенье по строке и чуть тревожное:
Матовость, муаровость, размытость появляется и дымчатость —

Ну и т.д. Лето 2000 + лето 2005 + март 2009.

***

Масоном быть нехорошо,
Ужасно даже, брат,
И призываю я, дружок,
Тебя им не стават.

Уж лучше, парень, водку пей,
Веди безумну жизнь,
Но быть масоном ты не смей:
Ведь это сатанизм!

Конечно, можешь ты сказат,
Что ты и не таков,
Но ты же малость глуповат —
И можешь стать таков.

Ведь ежели тебе сказать,
Что крутота вся там,
Ты ж сразу побежишь им стать,
Являяся болван.

Но даже если ты дурак,
Все ж помни мой совет:
Ты лучше просто будь мудак,
А вот масоном — нет.

2000, июль.

***

Запах новых станций метро —
Есть такой, он волненье в умах у людей производит;
Сильно радует он их нутро;
До сих пор неизвестно учёным, отчего оно так происходит:

Но сие — точно так. Зафиксированный факт
Многократно есть тот, что подземный чертог,
Новосозданный, — действует именно так
На людей, на их всех, и, как будто их дёргает ток

Электрический, так он вдруг всех поражает,
Так его сразу все как вдруг осознают,
И, расширивши ноздри, вдыхать дабы оный, тот запах, идут,
И становится малость слегка веселее людей-россиян трудный тёмный подземный маршрут.

2000, август.

***

В доме лето, в доме август, в доме ох и красота и благодать,
В доме ох какая тишина!
Оттого ещё страшней на свете, братцы, проживать!
Оттого ещё страшнее жизнь страшна.

Потому что когда именно она,
Вот такая красота и тишина,
Лучше видно, на каких всё в мире держится соплях:
Только дунуть — фу! — и трах-тарах!

На какой фигне ничтожной держится он, мир, —
На ничтожных электронах да протонах, меж которых пустота; —
То есть, состоит она вся, в сущности, одних из дыр,
Кое-как друг с другом слепленных, вот эта, щас наличествующая, красота!

Состоит она, наука доказала, да, из дыр.
А из дыр всё время тянет ох, сквозняк,
Холодящий, продувающий, ничем не затыкаемый никак, —
Вот таков, ребята, протекающий лытдыбр.

Ох, ребята, страшно жить на свете как!

2000, лето

***

Телефон у меня не звонит, не звонит,
Не собщает ничо не хрена,
Кирпичом себе наглым лежит, молчит,
А ведь денег ухлопано на него, говна!

Даже боле того: завели Интернет!
Ну уж, всякий тут скажет, тогда!
Мол, теперь у тебя под рукой целый свет, —
Тирлили — тирлимбом — трайдада!
— К Интернету и рифма сама-то и просится: «нет».
И действительно, — нет. Да.

Ох, унылио я в результате всего,
Ох, уныло унылио я!
Ох, унылио я, вот и только всего, —
Ой-ля-ля, тра-ля-ля, тру-ля-ля!

п.с.

(Ну, а как позвонит — так чего сообщит?
Что тогда, например, сообщит?
Может, ведь — позвонит, да уж так сообщит! —
Нет уж, на фиг! Пусть лучше молчит!)

август 2000

***

О эти дамы без трусов!
Зато в различных прочих штуках!
О дай мне, муза, мастерство
По всем их правилам науки

Воспеть. То есть, начать их петь,
И петь, и петь, наращивая равномерно
И неуклонно силу, мощность пенья,
Тредиаковско- и державиноподобно петь,
С громоздким пафосом, с возвышенным пареньем,

С косноязычием чудовищным, с ужасным громом-треском,
С великолепием, сиянием, шиком, блеском
И с тщаньем, с ревностью, стараньем, помпой,
Со слов клокочущих стобыкой гекатомбой,
Но также и со рассуждением степенным,
И так их петь, и петь, и постепенно, постепенно
Так воспевая, наконец — совсем воспеть.

2. Их все шелка и кружева, причёски
Старательнейшие, — волосок чтоб к волоску,
Сверкающую страшно всяку роскошь;
Корсеты тесные, крепимые к чулку

Особою (шершавою!) подвязкой; остальные, ладные
Все эти гладкие, отличные их штуки, —
Зеркальные такие, скользкие, прохладные, —
О как, желаю, муза, я воспеть!
Тем паче, муза, до сих пор же ведь,
Ведь самой даже современнейшей науке,

(Наиновейшей) — по сей день ведь неизвестно,
Что ж в этих штуках, свойственных блядям,
Такого, что ужасно интересно

Нам созерцать, — суровым русским рассудительным людЯм.

3. Вот этих их, которые шуршат, мерцают,
Скользят и шелестят, переливаются
Сияющим сиянием своим умы прельщают,
И электричеством как сразу атмосфера насыщается!
(И, кстати, не от тренья ль тех шелков, как нас наука научает?),

Когда вот на картинки эти смотрим мы и видим: точно, дамы!
А не какие-нибудь мандавушки!
А это дело — о, оно (о!), скажем прямо, —
Куда как увлекательнее нам, живущим

В бСССР, тойсть в бывшем эсэсэр.
В безвылазных смирении и бедности,
Где главным колер тот, который вылинявше сер.
И эти дамы, вот, в их всей сияющей победности —

На этих вот картинках у немых,
Которы были ими продаваемы,
В вагонах поездов, которы мы,
С восторгом трепета являлись покупаемы, —
Какими чувствами мы становились ох, обуреваемы!
Какие силы были пробуждаемы,
Какие мысли были взрывом рассуждаемы!

4. И вот, короче, переходим к рассуждениям моральным.
На это дело глядя, нынче осмеятое,
Забвению и небрежению предатое,
Сидишь и думаешь: о как ведь жаль же нам

Всего вот этого: оно ж гораздо боле силы
В себе, пружиной сжатою таящейся, таило
Чем этот нынешний кромешный порносекс.
Зачем, зачем вы это всё поотменилы,
Веленьем, мол, истории до голой ебли упростилы,

И унывает, только слёзки сглатывая, заскучалый грустный человек-с…

5. Они к тому же, коль присмотришься внимательно, — в трусах.
А также в юбках, блузках, даже более:
В перчатках, шляпах, польтах, некоторые — аж в мехах.
Что тут сказать? то, что интересней ещё более
Они тогда, ещё сильнее страх
Высот непобедимых и такое ой-й-йя
Тут начинается в людях, у них в глазах, в мозгах,

Что дай же, Муза, сил, скорее это всё воспеть.
Харэ молчать, вдыхать, терпеть, сопеть!

и т.д. 2 000, август + 2002 июль + 2011 июнь.

***

Жизнь прошла, промчалась безвозвратно,
Прогремела, точно паровоз,
И подумать ежели, ребята,
Что хорошего в ней было я всерьёз! —

Так, выходит, — пить водяру. А точней — опохмеляться.
Просыпаться в состояньи бодуна;
Погибать со с страшной силой, но потом и возрождаться,
Погибать, а после — хоп, и — хопана!

Да. Ну, и ещё, конечно, — девушки.
Это, в общем, правда, было, да.
К девушкам, хоть и считается, сама и рифма — денежки,
Но, однако, не ко всем и не всегда;

Девушки, как то и в песне сообщается, бывают разные;
Ох, они какие разные бывают;
В головах у девушек явления бывают самые разнообразные,
Так что всё возможно и бывает;

И так вот: ну, а когда бывало и соединение
Компонентов вышъописанных; когда, порою, иногда,
Так бывало, что и девушек наличие имелось, и процесс опохмеления
Птицей фениксом происходил, и вот, оно, тогда,

То, что получалось — это, господа, вот это и была, она, Поэзия.
Коя мной неоднократно — с гордостью скажу — законсервирована в буквах.
Это вот — поэзия, а не блять тягомотина занудная,
Типа всяких акмеистов, или Рейна, или Кублановского,

И различных прочих, много их, перечислять погонными их можно километрами.

— 7 октября 2000

***

Луиза, ты являешься говно.
Являются твои, Луиза, штуки безобразно все однообразны.
Они, Луиза, надоели нам давно,
И ты напрасно лезешь снова к нам с хуйнёй своею разной,
Напрасно ты опять клянёшься нам своей пиздой заразной,
Напрасно ты суёшь её людям под нос, отту пиздятину, —
Тобою мы не увлечемся всё равно!
Ведь ты, Луиза, лишь унылая являешься зомбятина,
И потому ты нам лишь только плюнуть, как примерно когда видючи тухлятину.

И ты напрасно всё, Луиза, жопу морщишь,
Прикидываясь, будто бы слаба на передок, —
Увлечь, Луиза, нас собою всё равно не сможешь,
Не льётся ибо сквозь тебя могучий жизни ток,

А стало быть, не происходит и явления индукции,
И, как нас учит физика, отсутствуют поэтому магнитные явления,
И все твои поэтому за «секс э пил» и всё подобное настырно выдаваемые проявления —
Они — одна наёбка и скучнейшая не больше, чем хуюкция,
Ну, как короче, точно, говорю ж, — говна кусок.

И мы тебя, Луиза, потому ни в хуй не ставим,
И мы совсем других, хороших девушек предпочитаем.
А дур таких, как ты, — тщеславных, жадных, наглых — презираем.

8 октября 2000.

***

Где твоя жопа, Твигги?
Где твои сиси?
Где твои прочи явленья, которы упруги, волнисты?
Да ты ведь являешься, Твигги, лишь просто задрыгой!

И вот вопрос: вот, их поотменили,
Которые положены, чтобы имелися, округлости,
Они с какой, простите, эти модельеры, целью? (тирли-вирли!)
Быть может, — просто так? от просто дурости?

Нет, не от дурости! А потому что гомо сплошь сексуалисты,
Они, те, заправилами людской кто нынче моды!
И нас заставить к этому склониться —
Вот иха цель кака, вот что готовят втихаря они народам!

И потому отнюдь не просто ради денежек
Они такое вытворяют, нет, но, чтобы нас, которы натуралы,
Они, хотя пока ещё не в силах девушек
Заставить разлюбить, — так хоть добиться для начала
Чтобы такие девочки нам сделались заманчивы,
Которы прям со всех сторон совсем как мальчики!

Так хватит же терпеть, вставай, народ,
Вставай народ, с тех, на которые поставлен ими, ты, колен,
Всех этих, полово ошибочно ориентированных, вымети за
эстетический за свой порог,
И полюби опять скорей назад Бриджит Бардо, Мерлин Монро, Софи
Лорен!

— 9 октября 2000.

***

Харэ, природа! Природа, вот что: уже наверно хватит, я так думаю, наглеть!
Уже, наверно, нас своею заманала ты зимой!
Наверно мы, природа, этого не хочем более терпеть!
И вот, настало время, мы, природа, разберёмся уж с тобой!

Поскольку на тебя, природа, наконец, у нас есть метод,
А именно, тот, называем коий «углекислый газ»;
Им парниковый создаваемый эффект, вот что за метод это,
Которым всякие экологи стращать стремятся нас,

Ибо с собою он несёт, нам сообщают, техногенное
Глобальное, нам сообщают, повсеместно потепление.
Так это ж зашибись! Вот какова могуча сила человеческого гения!
И пусть не мы это узрим, пускай не наше поколение,

Но Час пробьет, и вырастут в Сайберии бананы,
И наши жители её скакать по её джунглям будут в танцах неприличных,
А что растаявшие льды затопят, например, Нью-Йорк, так это нам по барабану,
А ежели неблагодарных блядь прибалтов позатопит, — ну так это вообще отлично!

Поэтому мораль: экологов проклятых, коии желают
Такому обороту дел препятствовать, — их изорвать, точно газету!
Как злостных антипатриотов! Ибо люди, кои русские, все, как один, наоборот, мечтают
Чтобы скорей везде в Отчизне было непрестанно лето, лето.

2 ноября 2000, четверг.

***

Блять, жалею! Блять, зову! Балят, конечно, плачу!
Хуй там, блять, прошло! Какой, блять нахуй, дым!
В том ж и дело, что хоть лысиной охвачен,
Всё равно хочу быть молодым!

В том-т и дело, в том-то и обида —
Этого не хочут признавать!
Говорят, того-сего, давай, мол, діду!
Мол, ступай давай, дедуля, отдыхать!

“Старичок” уже не в смысле переносном —
Называют, а совсем в прямом!
Вежливо впридачу даж относятся, порою даж с почтеньем!
Мол, почёт тебе — пожалуйста, ну, а дорогу — молодым!

Близок локоток, а не укусишь, —
Как народна мудрость тут права!
Показала жизень мене кукиш,
Подобравшись вдруг из-за угла!

Жизень мене кукиш показала,
Показала мне она его!
Сколько всё подмигивала, намекала, —
Ну и что, чего? Вот хуй чего!

Лысина одна теперь большая,
Водку пить уже запрещено,
А потом ж йщё процедура ожидает
Смерти, вот чего! Нет, братцы, не смешно!

Но пока ещё всё ж время не такое,
Буду всё-таки еще ого того-сего!
Хуй на рыло вам, коль на лицо блять всё плохое!
Буду прочего, по мере сил, и остального разного всего.

осень 2000

***

Что-то январь какой-то сумбурный.
Что-то какой-то он будто с похмелья.
Впрочем, да что я? Вот, братцы, ведь дурень!
Он же и точно, конечно, с похмелья!
Он же безумиев вспышками бурных
Так весь и двигался, вредного зелья

Вспышками, точно. Ведь так всё и было!
Впрыск регулярный в него алкоголя
(В нутрь организма), вот было что силой,
Коя и двигала кой-как по жизни

Мня. Так что да, так оно всё и было.

Стихотворенье что и отбразило.

январь 2001

***

Эх ты Курицын, Курицын, Курицын!
Что ж ты, в общем, являясь курицей,
Хвост распускать норовишь, подобно павлину?
Это немного напрасно, и даж не немного, а сильно!

Но ведь и более: даже, допустим, сей фокус
Твой этот, ладно, удастся, и всё-таки станешь считаться
Всё ж ты павлином — так это ж ещё больше плохо-с!
Ведь павлином на самом-то деле ведь очень позорно являться!

Ведь павлин-то есть птица глупая, хоть и надутая!
Так что ты, Курицын В., мало-мало над сказанным ты подумай вот,
Умных людей ты послушай, да вот хоть меня, коиий есть М. Немиров,
Да по-иному, умнее, себя как-нибудь спозиционируй.

2001, март. Обращено к известному литературному критику В. Курицыну.

***

Тоска, в пизду, тоска!
Тоска, в пизду ду-ду!
Тоска, в ее тисках
Сижу я и зудю.

Сижу, зудю дю-дю.
Сижу, зудю, зужу.
Различно киргюдю
Зузу дуду жужу.

Различно киргудю,
Различно киргудя,
Поскольку, уй-дю-дю,
Ой блять тоска кака!

27 апреля 2001. Еще одна из песен уныния. Их немало у меня.

***

На эту Бэссинджер
Короче, глядя, —
Аж станешь бешеный:
Вот есть ведь бляди!

Вот есть ведь биксы,
И ведь мочалки,
До чго ж казисты!
Ох як же гладки!
Як шоколадки!

…….
……..

Короче — Ким
Ту, кто увидит,
Совсем волким
Завоя выйдет.

Или вот на русско-татарском языке

И эта Ким
И эта Бэссинджер —
Сиктым хар биттым! —
Увидишь — сбесишься!

«Сиктым хар биттым» — татарское ругательство, не знаю точно, что оно значит.

Или еще лучше:

… порнографический этот шик
Мы наблюдаем сей;
Точно попавши как кур в ощип,

Головою вращаем своей;

Порнографический этот блеск,
Блять, ослепляет глаз,
Всяких шелков электрический треск
Действует, гад, на нас!

Действует, гад, что ты там ни урчи,
Концептуалист как ни будь,
Ну а теперь только ох, рычи,
Бей кулаками в грудь.

Полный, опять же, сокровищ сундук,
Всякая в нем хуета,
Чтобы являлась ещё сильней, друг,
Их, этих существ, красота;

Вот оно, значит, оно в мире как,

И т.д.

2001, май.

***

1. О эти дурочки!

2. У них есть дырочки!

3. Но счастие, друзья, — оно, друзья, оно не в дырочках.

4. Но что до дурочек касательно, то здесь, друзья,
Не всё так просто: иногда, чуть-чуть, порою, даже скажем, рифмы ради, «пороЯ»,
Оно, друзья, оно — немного всё же именно вот в дурочках.
Оно немного всё ж и в них, то, именуемо которо счасти — ии — йя;

5. Вот, например, представь: с похмелья, например, проснувшись,
Умывшись, как получится, не одеваясь (и
Так одетый спал), кромешный ужас
Собою весь переживая изнутри
Когда железною рукой тебя снутри как будто душат;
И вот — на улицу, скорей, стопы свои

Хотя б куда-нибудь направить. Своё тело
Полуживое, транспортировать, перемещать,
Почти что кантовать; на то и дело
Попутных лавочках его присаживать, чтоб отдыхать,

Дабы внутри чего не оторвалось, типа сердца.
Или наоборот — чтобы не слиплось в винегрет.
И так вот, образом таким, в итоге, припереться
На, например, ВДНХ. Ха-ха!; Конечно, да. туда! А почему бы нет!

6. И там вот, наконец-то, взять да и купить.
На у фонтана лавочке усесться, наконец, неторопливо
И тут вот наконец, со страшной силою купить!

Но взять купить не водки, и не пива,

А лучше вот чего: шампанского купить!
В собой прихваченную банку торопливо
(Полулитровую) рукой дрожащею налить

Его, и — эх! — её держа руками —
А в ней оно, своими пузырьками, —
Наверх, наверх! —
Как пел Высоцкий, то есть, снова — эх!
Чтобы оно тебя снутри, точно наждак,
Ободрало — но в смысле положительном, вот так.

7. А наличия факт этой тени, в которой сидишь ты, кустов,
А наличия факт её, тени, такой резкой, мощной, густой,
Той, в которой сидя, той, в которой пия,
Ещё более делает это сия ю е я
Щее лето наличествующее. Ещё более — настоящей.

8. И вот теперь, тогда, когда всё это,
Наличествует, когда всё оно
Всё запланированное о!осуществлелено,
И о!опохмелятор, и (о!) лето,
Теперь, тогда, когда, теперь — о, да!
Теперь тогда такую дурочку — сюда!

Её. Восторженную, умненькую, ту, котора,
Когда соображения с напором
О сущности явлений головы
Моей из (похмелённнной! — вы
Осознаёте?) фонтанировать начнут, —
Такую дурочку немедля нужно тут.
Дабы восторг сего сияния всего —
Был в состоянии кто воспринять его.

9. И ведь оно, такое это — было!
Я это не придумал! Точно ж так
Бывало тыщу раз; оно происходило

Не по-другому как, а именно вот так,
Со всей неописуемою силой!

И я, осуществляючи всё это, весь являлся прав, да.
И это всё — оно и было то,
Что именуемо — Поэзия. Ея Блеск, Мощь и Правда.
И виртуозное впридачу мастерство.

10. Да только так давно оно всё было…
Так, что считай, уже почти что и неправда.
Когда б в стихах то б не описано, считай, что вовсе и не было.

11. А коли даже и описано — а фигле толку?
Пятидесятилетнему почти мене сейчас?
Юнцу какому-нибудь, сраному там волку,
Кончено, молодому, в самый раз

То описание, инструкция. Как это
Всё делать. Раз — прочёл, два — хоп! — тотчас бежать,
Немедленно, пока поскольку лето,
Пошагово всё то осуществлять, —

А мне, мене, кто всё с ужасной силой
Придумал это, научил, мене, теперь
Пузатый кто, кто старый, некрасивый,
Больной, который в логове как зверь

Больной, забившись, спрятался, мне — лишь только скрежетать
Пенёчками зубов от зависти с обидой? О, мать-мать-мать!

О мать! мать! мать! Россия, ох ты мать….

2001 06 — 2011 07

***

Короче — ну, и что? Да то: уныло как-то, валко, шатко…
Оно, конечно, вроде, кончилася полоса плохая,
Да началась другая, именно — совсем плохая,
И я б хотел всё это на фиг изорвать, как точно жучка шапку.

Короче, всё как в анекдоте, я услышал тут по радио:
Как мужику всучили, там, испорченную ёлку.
— А что такое? Не пушиста? Не колючие иголки?
Да с виду-то нормальная, да только не работает: не радует!

И — что? И то: и вот: сижу и плачу.
Ну, прям не так, что плачу, а скулю скорей что.
Кисляк короче всё мандячу и мандячу.
Вот каково, короче, состоянье моёй жизни, ежели кому то интересно.

2002 01

***

… Но жизнь такая штука, —
Как блядский огурец:
Еще и не мяукнул,
А вот уже кабздец.

И то лишь остаётся
Опять (ебать-копать!)
Что всё-таки придется
Водяру покупать

И ту водяру жарку,
Угрюмо выпивать,
«Эх, жизнь моя шершавка,
Земеля!» — восклицать,

И думать, значь, уныло,
Являяся поэт,
Что только лишь обмылок
Стал ты щас прежних лет;

……

Но с временем теченья —
C2H5OH
ПроИйздет накопленье
В твоем организмаж;
И тут тебя как аж

Пронзит: да хуй вам в сраку!
Мысль: хуй блять в сраку вам!
Да, блять, идти вам раком,
ЕбАным блять козлам!

ну и т.д.

2002 14 января.

***

Мороз зараза пылает
Именно невыносимо;
Снег беспощадно сияет
Белый такой, что аж синий;

Эти природны явления
Все таковы, что я
Не могу не испытывать изумления
С примесью гордости; за кого? за себя!

Ведь я пребываю тут,
Ловлю попутку на трассе Ямбург-Уренгой,
Тут, в сей пустыне ледяной, где и деревья не растут,
А я вот — являюсь живой!

А я — являюсь живой,
Перепад температурный в восемьдесят шесть
И шесть десятых градусов по Цельсию собой
Осуществляя, и такое дело есть —

Нечто чрезвычайно такое, что
Достойно гордости и восхищения.
Что я выразил только что
В этом, как сумел, стихотворении.

8 января 2002. Имея на улице минус 27 — и вспомнив молодость и Уренгой, где минус 50, и свои тогдашние мысли по этому поводу.

***

Да ты, я погляжу,
Уж не с пидарасцой ли?!!
Да ты, я так скажу,
Есть именно такой, блин!

И лучше б тут смолчать,
Потупиться несмело,
Мол, так и надо, блять.
Мол — мне-то что за дело?

А то ведь выйдешь ты
Пылающий от злобы
Малоприятный тип
С названьем гомофоба.

А там уж прямо, бля,
С таким-то шито-крытом,
В пособники фашья,
И даж — антисемиты.

Да, лучше бы смолчать
Сидеть бы лучше тихо...
Но Не Могу Молчать!
От гадства эт’го иха!

Посколь гомпорнографией
Котора где ни глядь,
ПидОрам-то потрафили —
Но нас — задрали, блядь!

2003, осень. Об одном (на самом деле — очень сильно не обо одном!) современном писателе.

***

Стихи писать на самом-то деле легко —
Было бы только о чём.
Вот это, последнее, более нелегко:
Брать и уметь обнаружить в мире наличье такого, о чём

Стоит в стихах излагать.
Тойсь умение вдруг прорубать,
И вспламенеться, и проч., и короче — вовсю трепетать,
Тоесть наличье Поэзии в мире способным быть воспринимать.

Вот это гораздо значительно более нелегко —

итд.

2004 03

***

А вот возьмем, к примеру, например, шестидесятые.
Шестидесятые, со всем их ай-лю-лю;
Шестидесятые, теперя обсмеятые,
Чрез осмеянье поруганию предатые
Так я скажу: вертел я на хую!
Я так скажу: блять, я их все-таки люблю.

2. Конечно, суперглупость
Царила там тогда.
Зато была в ней свежесть!
Вот как вот, господа.

Зато была в ней свежесть,
Дурацкий был задор,
Которая всё ж в ней есть
До самых сих аж пор.

И, если разобраться,
Взаимосвязаны
Две эти вещи, братцы.
Б, связаны они!

Да, впрочем, фигля вату
Катать? Сам Пушкин А.
Писал, что глуповатость
В поэзьи быть должна.

3. Но я люблю не те шестидесятые, которые антисоветские —
Там типа Солженицын, Галич, «Новый Мир», разоблаченья Сталина —
А я люблю шестидесятые, которые как раз советские, —
Гагарин, Евтушенко, «Аэлита», молодежное кафе, и «Силуэтт» из Таллина,
Журнал, который мод, и проче, и так далее;

И Элла Фитцджеральд, джаз, и бит, и битники,
И узкие штаны, и твист, и Кеннеди, и спутники —
И Евтушенко с Вознесенским, и Эдита Пьеха,
И прочее, которое… да хуля! кое — эхма!

И — вау-вау-ва! — вопили битолсы;
Они вопили это тут, в СССР, в магнитофонах, и вот так оно и было всё;
Оно так было, да, но ведь оно ж и есть!
Всё это дело, собственно; оно ведь здесь,
Порою, иногда, оно, горячим солнцем залитое;
Оно такое как… ну, как когда всё сразу — раз! и вдруг такое!

…….
……
……..
……..

4. И, ясно дело, девушки. О, девушки шестидесятых!
О, эти дурочки с прическою бабетта!
О эти девушки, такие, до сих пор что аж ты ох о ах!
О, эти девушки, собой являющие наступающее лето!

5. Итд итп.

2004 03

***

Злой прибалт, ты, зверь в обличьи человечьем,
Зверь притом являющийся вша!
Триста лет тебя очеловечить
Русская пыталася душа!

Научить тебя пытаясь жить, как люди,
Не один на то ухлопали мы век;
Чтоб не быть тебе иудой и паскудой,
А хотя б на вид чтоб — человек;

Научить пытались жить тебя, как надо
Людям, как блять люди жить должны;
Тратили ресуры на тя, гада,
Кои были ой самим нужны;

Объяснить тебе пытались то, что люди
Жить должны как люди, по-людски:
В смысле том, что подражать иуде —
Это делают одни лишь мудаки.

Объяснить тебе, что лабусом и гнусом,
Гнусным быть, — совсем нет правды в том,
Что не надо быть чухонским пидарусом,
Надо быть советским пареньком!

Объяснить тебе, что то, какой такой ты
Быть сейчас — совсем не зашимбок;
Тормозом ебаным, тухлой шпротой —
Нет! Будь лучше кайфный чувачок!

Только оказалось всё без толку!
Как ты был смердячею чухной,
Как ты тряпочным являлся, в общем, волком,
Так такою и остался ты говной.

И совсем теперя нет мене покою
От раздумий, коии пекут:
Что же делать человечеству с такою
Злобной, гнусной, блять, неблагодарной проститут?

30 марта, 2004. Суровое национально-патриотическое стихотворение на вступление прибалтийских лимитрофов в НАТО.

***

Грозно спускаясь грозными ногами,
Грозно спускаясь по лестнице, грозная точно ария
Верди какого-нибудь, и к тому же действительно — Ария;
Имя такое, фамилия — Джиорвани;

Грозно ноги свои опуская, как ноги судьбы, —
Беспощадна их поступь, готовы они как столбы,
В землю как сваи вбиваясь, ничтожного, то есть, тебя
В землю вбивать как какого-нибудь муравья (соловья),

Вызывая и трепет, и ужас, и тут же
Прочие чувства людские, которые лучше
Нам и не браться пытаться описывать; трепет, и страх,
Но и восторг (пред такой-то машинищей!), ах трах тарах!

— Ария! Ария! Ария! Ария!
— Ария! Ария! Ария! Ария!
— Ария! Ария! Ария! Ария!
— Ария! Ария! Ария! Ария!

Люта, могуча, ебуча Италия!

— лето 2004

***

Ах так, сука-блять?
Ну всё, сука-блять!
Ебать-блять копать?
Копать блять ебать!

Ах так, значит, бля?
Хуяк, значит, бля?
Труля блять ляля?
Как, блять, три рубля?

Ебать-колотить?
Едрить- растудыть?
Фить-фить — фить фить-фить?
Фить-фить! Фить фить-фить

Так вот, значит так:
Пиздык блять! Хуяк!
Блять, сука-блять, ё!
Хуё блять моё!

Оё. О ё ё.

2004 11

***

Эх, опять приуныл!
От погоды такой (мама!)
Станешь просто дебил,
Прям совсем охуеешь.

От погоды такой,
От проклятого ветра,
Коий есть ледяной,
От (ё!) сумерек целый день.

Где же (мама!), тепло?
— Где-где-где. Где... В июле!
О, как не повезло
Жить (о!) не в Гонолуле!

Всем ветрилам назло.

— 16 апреля, 2005

***

В период с октября по май —
Жизнь беспощадна, как трамвай.

В период с октября по май
Жизнь такова, шопездецц.
Жизнь такова, что еббит же ты май
Соул. Да. Ез. Сэр, о йес!

В период с октября по май
Жизнь объявляет: кочумай!
Такова, она, жизнь, аж хотел бы иметь
Я уменье, имеет которо медведь
Спать полгода в берлоге, едрить твою медь
Пока он не воротится, май.

припев

— беспощадная жиииизь
жиииись аж тока держиссь
беспощадная жиииизь
жиииись аж тока держиссь

пока он не воротится, май.

В период с октября по май
Жизнь подстрекает: разломай
Всё нафиг так, чтоб только оу! оу! оу!
Ломай всю нафиг жизнь это вымороженну хуйо ову ову,
Потом придумаешь, как это заново
Ещё всё лучше прежнего отстроить,
А ща — не ссы, разламывай, разламывай:
Дестроооойаааа! Дестрооооойаааа! Я буду дестройаааа!

— беспощадная жиииизь

жиииись аж тока держиссь
беспощадная жиииизь
жиииись аж тока держиссь

Но когда он воротится, май —
Уж тогда, уж тогда — ай вай вай!

2006 02 — 2009 03

***

И хандра, и тоска, и (о!) страх —
Отчего, почему, — не пойму.
Прям с утра хопа — трах тарарах! —
Всею яростию по моему
Организму, а также уму.

Прям с утра, ни с того ни с сего.
Хопана — айлилю.
Ни с того, ни с сего — оуо!
Тирлюлю. Тирлюлю. Тирлюлю.

Прям с утра — ни с того, ни с сего.
«Генерализованное тревожное
Состояние» — вот какое названье сего.
Ужас — пред будущим, и настоящим, и прошлым.

Прям с утра. Прям с утра. Прям с утра.
И тоска, и тоска, и хандра.
Тарара. Тарара. Тарара.
Тарара. Тарара.

16 марта 2006, четверг

***

Утонули глазки в сале,
В сале утонули рожи.
Ой вы, братцы, хали-гали!
На кого ж я стал похожий!

Точно как траншеи, глазки
В рожи сале прямо стали.
Ох, какой же стал я гадкий!
Хуже, чем проклятый Сталин!

Знайте это, сука, дети.
Это — очень понимайте.
В смысле — водки, блять, не пейте!
А то станете такими же: некрасивыми и старыми.
А то станете такими же: бестолковыми, глупыми, усталыми и неповоротливыми.

2006 06

***

Как поезд в тоннель, как змея в нору,
Я вползаю, впадаю, в хандру, в хандру.
Я вползаю, впадаю, в хандру, в ея мрак —
Ох же просто же, братцы, тыгдыг мой кутак!

Как поезд в тоннель, как от та змея,
Заползаю, ребята, я сам в себя,
Погружаюсь в себя, сам на дно самоё
Залегаю, поскольку — о ё! о ё!

Погружаюсь в себя точно змей морской
Точно змей залегаю — оёй! оёй!

Залегаю, как змей, тот, что тиной покрыт,
Вот таков он, ребята, тот на вид

Человек, кого месяц хандра томит.
И я — да, таков. Ох ты ёбаный стыд!

2006 10

***

Ёбаное шоссе;
Ёбаный лязг и гром;
Ёбаное всё совсем
Точно ёбаный аэродром;

Ёбаннейшее из утр;
Сизый угарный чад;
В сизом небе висят
Сизые солнца, и жгут!

Ёбаная жара;
Выхлопная ебАная вонь;
Ёбаныё прям с утра
Гарь и блять чёрный огонь —

Душат.
Блять.
Но вот блять хуй, блять-сука, задушат!
Хуй там, сука, ебать-блять копать!

И охуенно блять нравится
Мне это ебАное всё,
Кое грохочет и катится, —
Блять вызывает восторг!

Блять, охуенно мне нравится
Сей блять мёртвой блять жизни пожар!
Ибо драйв тут такой валит, братцы, что —
Блять просто кошмар и угар!

А известно: тот прав, кто яр.

2007 07

***

Как тут — хоп! — валторна задудит
(Или не валторна — что у них дудит?)
Как она, та хрень, повторно задудит —
Барабаны тут тотчас давай давать брейкбит, —
Сука нахуй валят блять с копыт!

Со всей дури как даст тут оркестр,
Сорок рыл как хором заорут,
Как начнётся тут совсем тогда пиздец,
Тут совсем уже пиздец пойдёт как тут; —

Восторг как тут пойдёт холодным жаром;
За ним, второй волной, — горячий холод;
Затем — опять восторг, одновременно и цунами, и пожаром;
И ещё большие восторга блять внезапные удары накрывают шквалом;
Молотит молотилкой мощной молот:

Бум! Буб! Бум! Бум!
Трах! Трах! Трах! Трах!
Взуум! Взууум!
Трах-тибудах-тибудах-тибудах!

Оуйе! Ох, блять, пиздец!
Оуйе! Ох, блять-сука, кошмар!
Оуйе бздык кердык оу череповец!
Оуйе блять улёт блять обсад блять отпад блять угар!

Ох, блять, бит!
Ох, блять, лютый брейкбит!
Ох еббит!
Сука нахуй валит блять с копыт!

Итд.
Итп.

И опять итд.
И опять итп.

июль 2007

***

Вот и всё. Устали эндорфины.
Утомились в мозге клокотать.
Время фазе трудной, депрессивной,
Время фазе пониженья лютовать, —

Осень, братцы! Август, братцы. Энд
Ливень льёт который час подряд;
Зисисдээнд, как поёт мне компьютер, зисис дээнд;
Брейконтру, как вот он запел, тузеоде сайд.

Да, оно такое, состояние меня и мира нынче поутру:
Осень. Скачет жизень синусоидой вовсю,
Голую вещей вылущивая на качелях этих суть:
Брейконтру! — это очень правильно он там поёт, — брейконтру!

Дождь, Дорз, осень, ну и — ну и МДП.
Гонят все совместно синусоиду то вверх, то вниз.
Очень зашибись такая жизь, ребята, она — очень зашибись;
Эта жизь, и всё другое остальное итэдэ энд итэпэ;
Очень офигительным оно является, короче, это всё, котрое зерыз —

Зээнд. Лета. И — другая полоса
Просторной жизни начинающаяся. У!
Брейк он тру ту зе озер сайд!
Брейк он тру! Брейк он тру!

— 2007, 23 августа

***

Вот бы щазз хуйнуть з гранатомёта! —
Вот хотя б во чо хуйнуть бы щазз;
Потому что ох ты отчего-то
Заебало многое блять нас!

Вот ковровую бомбардировку
По хотя б чему сейчас бы дать!
Потому что злым, как будто волком,
Я с утра являюсь, сукаблять!

Вот бы ох как лазером с орбиты
Блять гиперболоидом бы — эх! —
Покрошить в капусту точно бритвой
Фортинбрасов (в худшем смысле!) всех!

Итд.

— 24 сентября 2007, понедельник. Террористический народно-революционный романс.

***

В венчике из чёрных роз
Надвигается психоз.
Надвигается психоз
В чёрном облаке угроз.

В чёрном небе, полном гроз,
В чёрном небе, чёрный, злой
Надвигается психоз
Грозный, как июльский зной.

Как безумный дед-мороз
В сорок градусов, так он
Грянет громом, гад, психоз
Точно как оркестрион.

Как внезапный ез, мороз —
Посреди жары — да, так
Он обрушится, психоз:
Шиар харт как аттак.

Как безумный дед-мороз
В сорок градусов, так он
Громом грянет, гад, психоз,
Точно как оркестрион!

Бсепощадный фуриоз
(Ох, мама, мама!)
Если говорить всерьёз.

О!
Мамма!
Мамма!

— 27 сентября 2007, четверг

***

Чё-то я охуел.
Чё-то я совсем охуел.
И не лук ел, не уху ел —
Просто так охуел. Охуел.
Так что сам себе аж надоел.

Чё-то стал я совсем мухуяр.
Чё-то стал лесное хуепутало.
В чаще жизни, то есть, я ребята заплутал, и в том особенный кошмар,
Что запутываюсь в ней всё боле с каждою минутою.

Бу-бу-бу — чу-чу-чу.
Чу-чу-чу — чох-чох-чох.
Блять, я жизни такой не хочу!
Я — хорошей хочу! Ох!

— Мисюсь, где ты! Мисюсь, ау!
— А во мхуууу я! Во мху я по колено!
Да, во мху я по колено — Ууу! У!

Такова она, позорная судьба эх нашего ох поколенья.

2007 09

***

Блять, злюсь. Блять, злюсь. Блять, злюсь. Блять, злюсь.
Ёбана люся, бляять — кааак — злюуусь. О!
Блять, сука, злюсь (Мисюсь, а? Мисюсь!).
Заебало блять. О! Заебло!

Так вот вам блять, сукам, залупу конскую!
Вот блять вам, сукам, залупу слонячую!
Залупу вам, сукам, Алексея-свет графа Вронского!
Залупу вам, блять, александро-македонячую!

Вот вам, блять-суки, залупу лиловую!
Вот вам такую, её в три обхвата,
Залупу слоновую, сорокадвухдюймовую, —
Допекли потому что меня вы, ребята.

Вот вам блять суки залупу титановую,
(Из металла титана и от греки Титана) —
Залупу вам снова, и снова, и заново,
Залупу, короче, вам, блять постоянно.

Вот вам всем хуй, короче. О! О!
Вот вам хуй! Вот вам русский хуй!
Ибо так всё заебало, просто мама не горюй!
Да, вот так вот всё оно, ребята, заебло.

— 19 октября 2007 + весна 2011

***

... Стрелки осциллографов мерцают,
Вероятностные сверхнапряжены поля,
Технотронное пространство полыхает
Яростною плазмой, ойляля;

За штурвалом звездолёта — Путин,
Кормчий Родины, Отчизны дорогой
Подвиг его трудный ежминутен;
Эрг Ноор он просто наш родной

А вокруг один кошмар сплошной, закона
Попранная вертикаль, ох ёш ту вошь!;
Оборотни, как в погонах, так без оных;
Всякие коррупцьонеры наглы сплошь;

Охуевшие чинуши беззаконны;
Охуевший телегомарёж;
Бездуховности смердящие притоны;
Бездуховностью густой всёпропердёж,
Так что вольно и не продыхнёшь!

В общем, Путин, хватит быть лунатиком!
Хватит это гадство дозволять!
Над тобой встают косматые галактики;
Пылью звёздною туманности пылят;

Космы космоса медузами-горгонами
Над тобой власами шевелят,
И, коль ты опять спасуешь перед этими гондонами, —
Это бездны звездны не простят!

— 29 ноября 2007, четверг

***

Ебланы, блять! И уебаны, блять!
Но вот вам хуй вот, блять! Вот так вот, блять!
На ваше блядское ебланство-уебанство мне теперь насрать!
Теперь всё будет по совсем другому, сука-блять!

Поскольку х. на р.! Хэ вам на рэ!
Вам, коим имя обобщённое — «ишак»,
Хэ вам на рэ! Всё!, на фиг, бэ! Харэ!
Теперь (бэ! бэ!) всё будет абсолютли, бэ, не так,

Как оно было. Ибо — вот вам хуй!
Вот вам, блять, хуй! Солёный русский хуй!
Вы значит, так? Вы, суки, значит, так?
Так вот вам хуй по самый не балуй!
Вот вам, по-русски если непонятно, по-татарски, блять: кутак!

Теперь, отныне, охуительно всё будет, да, и даже охуйтительно, вот так!

Теперь всё будет (бэ, бл! бэ!) лишь только полный хорошак!

— 3 февраля 2008, воскресенье

***

А вы, являетесь которы шлоебенью, —
Вы, суки, знайте: шлоебени — шлоебенево!
Вы, со своею всею поебенью,
Вы же являетесь не более, чем племя блять пигмеево —

В духовным смысле, в смысле. В коем — да, пигмеи!
При этом — точно высморкалась канарейка,
Вот сколечко мозгов и прочего хорошего имея!
И это, сукаблять, теперь — навеки!

Заклеймлены поскольку вы теперь, да и не как-то там — в стихах!
Заклеймлены поскольку вы теперь, не как-то там — поэтом!
Поэтом не каким-то там — самим же мной!

А нехуй, сука, шлоебнию являться было, ах.
Поганой шлоебенью, а ещё при этом
Ничтожной сука-блять позорною говной!

2008 02

***

Мир обмануть меня хотел,
Являл он хитрость, —
Но я — я на хую вертел
Весь этот дискурс!
И мир, и мутные, блять, вы,
Блять, пассажиры,
Кто, не имея головы,
Сбесились с жиру,

Меня хотели принудить
Быть глупым, нудным.
Но я, ебать, блять, колотить!
Явил, блять, удаль,

И на хую я блять вертел
Хуйню всю эту.
Весь этот ёбаный вертеп
Всю ту блять репу!

Ведь я, блять-сука, дискурсА
Такие видел, —
У вас на жопе волоса
Бы встали дыбом!

Она мне на хуй не всралась,
Та парадигма,
Которая над вами власть
И даже иго;

Осуществляет. А блять я, —
Я не таков,
Вы каковы, друзья.
Я, блять, — другов!

Я блять, совсем, волки, козлы, —
Гораздо лучше!
Вот потому вы все и злы
На мня; и пучит

Вас, сука, злобой. Только, блять,
Вам, сука, лучче
Взять, да и лопнуть, чтобы, блять,
Себя не мучить,

Поскольку злоба та — напрасна;
Ведь вы мне, суки, поднасрать,
Как вы привыкли, блять, желать —
Хуй, сука, сможете. Ебать-копать!

И жизнь — прекрасна.

4 марта 2008, вторник

***

Да вы ж блять — гниды! (яйца вшей!)
Вы ж, суки, ссссукабля, — суккубы!
Вы, сссука, в сущность коль вещей
Смотреть, — вы, сссука, суки в кубе!

Но вы, блять-сука, блять, вотще
Со мной тягатися пытаетесь, вы, сссуки, —
Опарыши параши, вот вы кто вобще!
И вы мне поднасрать — коротковаты руки!

Являющихся вас, лежалых овощей,
Вы навязать себя мене, пылающему, блять, вулкану,
Пыталися, но — хуя! вас взашей
В конце концов я вытолкал, и дальше стану

Аналогично поступать.
Иб вы, — и те, которые как вы, меня (ведь агнца кротости!) — таки сумели доебать.

— 18 марта 2008, вторник

***

Весна! Оттаивает гамно.
И я тоже оттаиваю. Но
Я при этом — совсем не оно.
В смысле, я, друзья — не гамно.

Нет, я, ребята, совсем не такой!
Нет, я, ребята, совсем другой,
Неведомый избранник, вот я кто, и ох и дам щазз жару!
Подобный дрезденскому турбореактивному ревущему пожару,

Ох, как чего я вам сейчас замастрячу,
Я вам чучу такую сейчас отхуячу,
Всё мироздание я расхерачу,
Со страшною яростной своей силой.
Но потом — соберу его снова. Чтоб было.

Так дайте, о дайте же мне дисторшен!
Чтоб херачил, ревел, чтоб он выл истошно,
Чтоб офигительно было всё, точно —
Ох, ну... не знаю. Отличнейше, в общем.
Оу! Ууу! уУуу! уУу! уУ.

Так дайте, о дайте же мне дисторшен!
Чтоб ревел и рычал, верещал истошно,
Выл, рвал, жёг; чтобы жизнь, от которой столь тошно
Было мне — перевернуть наоборот.
Ибо — весна это братцы. Вот.

Вот. Вот. Вот. Вот.

1 апреля 2008, вторник.

***

Не хочу я дружить с мудаками!
Не хочу — и не буду.
Мудаки! Вы с собою сами
Лучше, суки, дружите, иуды!

Потому что — дружил с мудаками!
Ох, печальной (ох) опыт имею.
И железной (о!) жизни руками
Так научен, что прям аж хуею.

Так что, братцы, дружить с мудаками —
Очень, братцы, не рекомендую.
И даже коль к вам придут они сами —
Мол, «Давай дружить!» — «Вот уж хуя!» —

Отвечай сразу. «Хуя!» «Нет!»

Вот какой мой, друзья, вам совет.

2 апреля 2008, среда

***

«Скажи, мудрец, — вертел ли ты
Всё это гадство на хую?»
«О да, юнец. Для простоты
Так и скажу: вертел я на хую!»

«А в чём, мудрец, скажи ты зришь
То гадство, сука-блять?»
«А в том, юнец, что ишь пыщ-пыщ,
Блять ёбаный насрать!»

«А как, мудрец, скажи, ты стал
Таким, чтоб то всё знать?»
«А так, юнец, что, блять, не ссал
Таким быть, сука-блять!»

«А что, мудрец…» — «А то, юнец!
Блять-блять, блять-блять, блять-блять!
Хуяк-пиздык, хуец-пиздец!
Вот так! Ебать копать!»

2008 04 — 2009 07

***

Злюсь ли я?
Злюсь, блять, я.
Блять! Охуеваю ль я?
Блять, охуеваю я!

Сукабля! Сукабля!
Сукабля и нахуйбля!
Хопляля и труляля —
Блять, охуеваю я!

2. Что? Чего? Отчего?
Оттого! Оттого!
От, блять, сука, всего!
Оуо! Оуо!

3. Потому что, блять —
Заебали, блять!
Вот и злюсь я, блять.
Ненавижу, блять!

Блять. Блять. Блять. О, блять!
И опять, и опять:
Блять! Блять! Блять!
Блять, о, блять! О, блять, блять!

2008 05

***

… Да хоть блять вызывайте ментов!
Санитаров, блять! Пидорасов!
Да хоть стаи вы, блять, вызывайте летучих котов
Из блять тропиков блять Гондураса;

Да хоть гоплитов греческих, сука, фаланги!
Хоть пожарников, блять, с брадсбойтАми!
Да подводников хоть в боевых аквалангах!
Д’ хоть известно кого, кто есть мастер татами!

Вы, ебучая ваша орава, —
Да звоните хоть блять в спортлото!
И увидите, суки, вы то,
Что блять нет на меня блять теперь блять управы!

Хуй вы, сука, меня остановите! Ибо
Мою ярость билят укротить
Нет в текущей Галактике сил, что могли бы.
Ибо зол я. Ебать-колотить!

2008 06

***

Имел бы если б я бы бронепоезда
Сегодня под рукой — я б их тотчас
Бы ринул грохотать немедля в бой, чтоб вам пезда
Пришла, козлам, за нравственный за облик вас.

А коли броненосцы бы имел —
Так чтобы с моря поддержали бы огнём
Чудовищных своих орудий, я б хотел.
Чтобы совсем тогда была пезда рулём!

И орбитальна группировка чтоб
С гиперболоидных своих всех батарей,
(Всей тысчей солнц их жёрл пылающих!), скорей —
Въебала, с бортовых бы, прямо в лоб,

Им, всем, кто навредить мене мечтает, да.

И русская сияла бы над этим всем звезда.

25 июня 2008

***

Да, много лет в себе гордыню я вскормлял,
И неудачников я, тех особенно, которы хнычут, плачутся и ноют, — презирал.
Но постепенно жизни так суровый развернулся коленвал,
Что постепенно обнаружил вдруг я, что и сам одним из этих стал.

Стал, оказалось вдруг, такою же унылою говною!
И, обнаружа это, сам заныл, и зарыдал,
И возопил, и стал всё протче делать, то, что делает шакал:
Воооою! Воооою! Вою, вою, вою. Вою, вою, вою.

Да, это вот, друзья, я весь ужасно делать стал:
Всем я собою, организмом всем и всей его я головою
Вооооою! Воооою! Вою, вою, вою. Вою, вою, вою.

ВооооййййЮ! ВвооооойЮ!
Поскольку жизнь такую блять вертел я на хую!
Во — йЮ!
Во — йЮ!

йЮ!

2009 04 января.

***

Буду, буду, буду пиздеть!
Буду пиздеть, буду всё равно!
Коль уж (блять-нахуй!) уж коль пропадать, —
Так, на фиг, лучше с музыкой!

Буду, буду пиздеть — назло!
Таков мой бесстрашный протест!
Ах вот вы как, значит? Так вот хуй вам, козлам!
Буду, буду, буду пиздеть!

А вы чего думали — так и сойдёт
Вам эта вся эта хуйня?
Так вот вам хуй, на хуй! Буду пиздеть!
Всё на хрен гори огнем!

Потому что обидно мне! Уязвлена
Душа страданьями стала, вот!
А вы, — «не пизди»? Да ебать, блять, копать!
Буду, буду, буду пиздеть!

Потому что мне больно! Обидно мне!
Потому что — блять, заебали!
Буду, буду, буду пиздеть!
Трали-вали блять! Хали-гали!

— Многовековой стон и вопль русского интеллигента.

2009 03

***

Мешки, лошки, свинина,
Тотаре с мусорами,
И кони, конски сильны,
В игру, что в мяч с ногами,

Сразятся за ушастого.
Ну, хоть за говночашку
Чтоб снова ох ужасно
Прославить нашу рашку!

Прославить рашу нашу
И ейный росгосстрах,
Реалов всех к параше
Загнать чтоб — трах тах тах!

Чтобы трепал их страх!

— к открытию сезона 2009

***

Жизнь неправильно организована —
Слишком много в ней (о!) суеты,
Слишком множество шума большое, простого и информацьонного,
Еботы-хуеты-маеты;

Непрерывная мёртвая зыбь
Энтропии, то есть толчея
(Бэ!) молекул на месте: ыб, ыб,
Их как будто иканье. О, йя!

Мельтешение, суета
На одном месте (оп!), на одной
Точке и — ни туда ни сюда.
Оёёй, как нас учит второй

Принцип термодинамики: Смерть
Тепловая Вселенной, она
В головы моей костную твердь
Уже вненене недредре нанана.

Серый сумрак, который во все
Шесть сторон, равномерный хаос
Дисперсированный, вот как. (Ойе!)
Как в болоте увязнувший воз, —

Жизень. Всё в ней, короче, — не так.
Но и также ещё — и не сяк!

То есть, это я — о себе.
Хотя может — и о тебе.

26 ноября 2009

Послесловие

Вот — собрал, как сумел.

То есть, тут собрано не знаю, лучшее или не лучшее, но то, что я считаю важным по разным причинам и достойным натурального восхищения. Чем могу гордиться. И горжусь.

2. Я ещё пытался везде, где мог, матерщину повыковыривать — отработала она своё, не нужно больше этого — и много где повыковырял. Но везде, где хотел, — не успел.

Буду продолжать потихоньку. Выковыривать.

3. У меня выходили четыре книжки стихов: «Стихи по алфавиту», 1999 — эта отличная, и потом ещё «Стихи по алфавиту 2» (2001), «Стихи о красотках» (2004) и «Стихи восьмидесятых» (2008). Относительно этих трёх последних я очень жалею, что я их издал. Лучше бы их, конечно, не было.

Но, я думаю, впредь я так не лоханусь. Так что спешите покупать: 100 экз — и в дальнейшем я издавать стихи на бумаге не собираюсь. Во-всяком случае, в этом десятилетии. Сначала эти осознайте толком.

4. Теперь ещё нужно «Тюменщиков» и «Всё о Поэзии» собрать и издать, причём, чем быстрей, тем лучше. Это непросто. Но буду стараться. Уже старюсь вовсю.

5. Без комментариев. Почему? Чтобы не загромождать. Голые буквы. В конце концов, это же стихи — вот пускай одни стихи и будут, без гарнира. Кто интересуется комментариями — они есть в энторнетах в изобилии.

Тырц-тырц.

Подписано в печать 31.08.2011.
Формат 70x90/16. Усл. печ. л. 15.5

Тираж 100 нумерованных экз.

НЕМИРОВ

ISBN 978-5-9903123-1-9

Экз. №